UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324485 2

Monin, Vasiliĭ Andreevich
Sibirskie motivy

PG
3467
M748S5

В. А. МОНИНЪ

СИБИРСКІЕ МОТИВЫ

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/sibirskiemotivy00moni

Monin, Vasilĭ Andreevich

В. А. МОНИНЪ

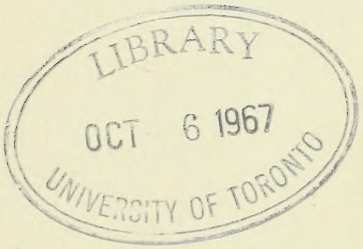
СИБИРСКІЕ МОТИВЫ

Sibirskie motivy

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
ИЗДАТЕЛЬСТВО И. П. ЛАДЫЖНИКОВА

БЕРЛИНЪ 1921

PG
3467
M748 S5



Типографія М. ШМЕРЗОВА въ Кирхгайнѣ

СИБИРСКІЕ МОТИВЫ

СИБИРЬ

I

Безъ границъ луга и степи,
Безъ конца просторъ...
Разлеглись далеко цѣпи
Неприступныхъ горъ.
Льются рѣки величаво —
Ихъ просторъ могучь.
Коли лѣсъ, — такъ лѣсъ на славу —
Потемнѣе тучъ!
Не вздрогнетъ тайги дремота,
Хоть весь міръ буди!
Спятъ сокровища безъ счета
У земли въ груди.
Коль «пустыня», такъ пустая,
Не ростетъ трава...
...И идетъ о странномъ краѣ
На весь міръ молва!...

II

Сѣверъ — тундры, холодъ жгучій,
Все во льдахъ.
Югъ — луговъ коверъ пахучій,
Нивъ размахъ;

Горы хлѣба, новоселье,
Пастушки!
Дальше — сопки, подземелья,
Рудники...
Голодъ.. злоба.. пытки.. муки..
Тяжкій трудъ...
Кандаловъ желѣзныхъ звуки
Сердце бьютъ...
Стонъ «несчастныхъ» изможденный
Вдаль летитъ...
...Внемлетъ край — колоссъ рожденный —
И — груститъ!...

III

«Я въ добро исполненъ вѣры,
Сердцемъ тихъ и чистъ,
Мой пріютъ широкъ — безъ мѣры,
Бѣлый хлѣбъ душистъ.
Власть — насилья пережитокъ!
Обрекла къ чему
Складъ сокровищъ — въ мѣсто пытокъ,
Мой просторъ — въ тюрьму?
Каждый ссыльный — лишь несчастный,
Рѣдко — падшій братъ, —
О, сними съ меня ужасный
Палача нарядъ!
Тотъ нарядъ смертельнымъ ядомъ
Совѣсть, умъ сверлитъ;
Въ немъ стоять съ другими рядомъ
Мнѣ позоръ и стыдъ!»...

IV

...День встаетъ — дрожитъ дремота,
Закипаетъ трудъ...
Изъ Руси въ Сибирь безъ счета
Такъ и валитъ людъ!
Свѣтъ, машины, телефоны,
Поѣзда стучатъ.
...А съ земли — несутся стоны,
Кандалы брянчатъ...

1911.

ЕРМАКЪ

„Мчится, мчится желѣзный конекъ."

Полонскій.

I

Много дней я стремительно мчусь
Черезъ рѣки, луга и поля!
Велика ты, родная земля,
Велика ты, родимая Русь!
Я качусь по стальному пути,
Ну и путь же, и путь исполинъ!
Кромѣ русскихъ безмѣрныхъ долинъ
Въ свѣтѣ ложа ему не найти!
По дорожкѣ — и соколъ — конекъ:
Быстроногъ и шипитъ, какъ змѣя...
Богатырь святорусскій Илья
Отъ него ускакать бы не могъ!
Много дней и ночей протекло,
А конекъ все бѣжать не усталъ...
Лишь стучится металлъ о металлъ,
Да грохочетъ обозъ тяжело.
А на немъ день и ночь суета,
День и ночь часу соннаго нѣтъ:
Замѣняетъ сосѣда сосѣдъ,
Всѣ спѣшатъ, занимая мѣста...

Своя цѣль, свое дѣло всему,
Суета никому не дивна...
Цѣль сосѣда — тебѣ сторона,
До тебя дѣла нѣтъ никому.
Все случайно въ обозѣ у насъ:
Кто пришелъ на денекъ, кто на часъ,
Кто домой, кто изъ дому спѣшитъ...
А конекъ все бѣжитъ да бѣжитъ...

II

Далеко съ святорусскихъ долинъ
Быстроногій конекъ убѣжалъ...
Обступилъ насъ кругомъ исполинъ —
Горделивый, угрюмый Уралъ.
Посѣдѣлый, холодный гранитъ
Надъ дорогой нависъ, и глядитъ
На слѣды человѣчьихъ работъ...
Ни улыбки, ни грезъ, ни заботъ,
Ни тоски на челѣ старика...
Но какую-то думу вѣка
На челѣ посѣдѣломъ таитъ,
Молчаливъ и недвижимъ стоитъ
Подъ ударомъ въ упругую грудь...
И сжимается сердце мое:
Вдругъ задумаетъ старецъ вздохнуть —
И прости молодое житье!
Но старикъ непробудно молчитъ,
Онъ стоитъ, заколдованъ во снѣ...
А конекъ все бѣжитъ и бѣжитъ
Въ незнакомой, чужой сторонѣ...

III

Эка ночь-то, ночь!
Будто юга дочь
Благодатная!
Эка ширь-то, ширь! —
То лежитъ Сибирь
Необъятная...
Тайныхъ думъ полна,
Въ небесахъ луна
Ясноокая...
Не стряхала сновъ
Искони вѣковъ
Степь широкая, —
Искони спала,
На себѣ несла
Сказку чудную...
Снамъ конецъ пришелъ:
Царскій сынъ нашелъ
Непробудную...
Вижу, съ этихъ поръ
Твой туманный взоръ
Открывается,
На лицѣ твоемъ
Жизнь зарей — огнемъ
Разгорается...
Встань, иди на пиръ,
Удиви весь міръ,
Непонятная! —
Вѣдь полнымъ-полна
Всѣмъ твоя казна
Необъятная...

IV.

Этотъ свѣтъ чародѣйки луны,
Этотъ грохотъ стального коня
Далеко унесли мои сны,
Погрузили въ раздумье меня.
Далеко мои думы ушли! —
На поля многострадной земли
Безталанной отчизны моей,
Вдаль давно прокатившихся дней
Безотрадной сѣдой старины...
На равнины родной стороны
Разъ спускалась такая же ночь—
Лѣта тихаго, теплаго дочь...
Ароматами ночь та лила,
Припадала лобзаньемъ къ устамъ...
Какъ теперь, будто лебедь, плыла
По бездоннымъ луна небесамъ...
Величавая Волга спала,
И въ потокѣ живого стекла
Опрокинутъ былъ куполъ небесъ
Съ милліонами Божьихъ свѣтилъ,
И утесы, и царственный лѣсъ...
Ея мощную грудь шевелилъ
Пролетавшій порой вѣтерокъ —
И качалася Волга-рѣка! —
Чередой набѣгали слегка
Ея волны на желтый песокъ;
И дрожали на вздохѣ волны
Устремленные къ ней съ вышины
Взгляды вѣчныхъ небесныхъ огней...
А вдали поднимался надъ ней
Облаками холодный туманъ...

V

Одиноко Ермакъ-атаманъ
Думалъ думу надъ Волгой-рѣкой,
Подпирая могучей рукой
Удрученное думой чело...
Безъ числа черныхъ думъ набрело, —
Невеселыхъ, томительныхъ думъ, —
Атаману лихому на умъ!..

Въ златоглавой, престольной Москвѣ
Говорятъ объ его головѣ —
Погубить молодца говорятъ...
Обѣщаютъ не мало наградъ
Для того, кто на вольной степи
Молодца въ кандалы закуетъ,
И, какъ звѣря, на звонкой цѣпи
Передъ очи царя приведетъ; —
Знать, за то, что холопій удѣлъ
Онъ покорно нести не хотѣлъ, —
Не стерпѣлъ онъ неволи оковъ,
Да съ ватагой своихъ кунаковъ
Онъ ходилъ по судамъ богачей,
Отпиралъ терема безъ ключей,
Не спускалъ и царевой казнѣ,
Да на волжскомъ крутомъ берегу
Въ безшабашномъ казацкомъ кругу
Затоплялъ свое горе въ винѣ...

VI

Вотъ Москва передъ взоромъ встаетъ,
Площадь Красная... вотъ эшафотъ...

Любопытными площадь полна...
Людъ шумитъ, какъ въ прибой океанъ...
Передъ нимъ — вѣковая стѣна;
Вотъ и башня, а въ ней — Іоаннъ...
Мономахова шапка на немъ,
Золотится безъ солнца нарядъ...
Но зловѣщѣй и ярче горятъ
Его жгучія очи огнемъ...
Расковали, на горку взвели,
Передъ смертью молитву прочли,
Положили на кряжъ Ермака,
Вотъ тяжелый топоръ палача
Поднимается выше плеча,
Чтобы жизнь погасить казака...
«Вы простите меня, кунаки —
Для меня и друзья, и семья!
Ты прости меня, воля моя!
Ты прости мнѣ и Волги рѣки
Каменистый крутой бережокъ,
И расписанный, легкій стружокъ!
Не забудьте порой казака,
Вспомяните хоть вы Ермака: —
По-пріятельски съ вами онъ жилъ,
Изъ-за васъ онъ ушелъ на позоръ,
Вы его подвели подъ топоръ,
Онъ за васъ свою жизнь положилъ...
Коль законъ повелитъ замолчать
Тѣмъ, кто будетъ меня величать, —
Вспомяни хоть ты, Волга-рѣка,
Про удалую жизнь Ермака»...

VII

Да, такая же ночка была,
Такъ же царственно тихо плыла
По бездонному небу луна,
И баюкала Волги волна
Отраженные сонмы свѣтилъ;
Поднимался грядами туманъ...
Въ эту ночку Ермакъ-атаманъ
Удалую дружину будилъ: —
«Гей, товарищи: Панъ, Мещерякъ,
Гей Михайловъ, удалый Кольцо!
Не придемъ предъ царево лицо
Подъ клеймомъ безшабашныхъ гулякъ!
Не загубимъ отваги и силъ
Мы подъ спудомъ безкрестныхъ могилъ,
Не оставимъ казацкихъ именъ
Воровскими для новыхъ племенъ.

«Доставалась намъ доля тяжка...
Въ бушевавшей груди огонька
Мы ничѣмъ потушить не могли, —
Не снесли мы обидъ и цѣпей,
Бичеванья родимой земли, —
Растоптали законъ и ушли
На приволье приволжскихъ степей.
Собрались въ молодецкій кружокъ,
Полюбили крутой бережокъ...
Нѣтъ у насъ золоченыхъ палатъ:
Вѣковѣчною думой объятъ,
Насъ укрылъ густолиственный лѣсъ,
Голубѣющій куполъ небесъ
Покрываетъ казацкій пріютъ...

Совершаемъ расправу и судъ
Надъ судами съ купецкимъ добромъ,
Захотимъ—богача оберемъ,
Ни за что наградимъ бѣдняка,
Не оставимъ безъ мести обидъ...
Знаетъ вѣтеръ да Волга рѣка,
Кто за что награжденъ иль убитъ...

Не друзья мы насилья и зла.
Не корысть насъ сюда привела, —
Намъ лишь воля — лишь воля нужна,
Мы отъ рабства хотимъ отдохнуть...
Пусть, дыша, поднимается грудь,
Какъ на матушкѣ — Волгѣ волна.
Какъ въ сыромъ подземельи цвѣтокъ,
Мы и жизни, и свѣта хотимъ.
Убивая, понять я не могъ:
За свое ли былое мы мстимъ,
Истребляемъ ли зла сѣмена,
На свободу ли буйно зовемъ?...
Но, мертва въ цѣпенѣньи своемъ,
Прокляла наши Русь имена,
Произнесъ намъ законъ приговоръ,
Осудилъ насъ на казнь, на позоръ...
Чую: близко царевы полки,
Подъ копытами стонетъ земля, —.
Что-жь умремъ, иль въ иныя поля
Унесемъ свою удаль, дружки?

«За работу! спускайте стружки.
Набирайте всего про запасъ!
Ждетъ дорога нелегкая насъ,

Насъ работа великая ждетъ...
Всякій воленъ итти, не итти:
Духа силы въ рабѣ не найти:
Какъ былинка въ степи пропадетъ
Онъ на этомъ опасномъ пути...
Есть просторъ — необъятная ширь —
Басурманское царство — Сибирь —
За косматымъ хребтомъ Яика...
Тамъ широкой душѣ казака
Для разгула не знать береговъ...

«Я слыхалъ отъ людей знатоковъ:
Хватитъ черпать на много вѣковъ
Въ той странѣ изъ кошницы добра:
Тамъ стрѣлокъ не пугалъ еще птицъ,
Много тамъ дорогого бобра,
Соболей, чернобурыхъ лисицъ.
Я слыхалъ: надъ землею-Югрой
Поднимается туча порой,
И спадаетъ наземь изъ нея
Цѣлый градъ дорогого звѣрья[1])
Я слыхалъ отъ бывалыхъ людей:
Въ нѣдрахъ каменныхъ горныхъ грудей
Тамъ сокровищъ лежитъ безъ числа...
Не одна тамъ рѣка протекла
По пескамъ золотымъ... И вѣка
Достаетъ за волною волна
Тѣ пески золотые со дна,
Чтобъ потомъ человѣка рука
Собрала ихъ... Туда мы пойдемъ,

[1]) По Новгородскимъ лѣтописямъ.

Басурманскую рать разобьемъ,
Покоримъ этотъ край безъ границъ;
Среди славныхъ народныхъ страницъ
Мы запишемъ свои имена,
Чтобы видѣть могли племена,
Какъ казацкой душѣ никогда
Доброй славы любовь не чужда...
Или, съ силою вражьей въ бою,
Сложимъ кости въ далекомъ краю, —
Лучше пусть ихъ засыплютъ пески,
Похоронитъ степная трава,
Чѣмъ позоръ... Отгадаетъ молва,
Для кого полегли казаки»...

VIII

Собрались, снарядили стружки,
По раздолью великой рѣки
Понеслися въ далекій походъ.
Вотъ проходитъ и мѣсяцъ, и годъ...
Зной и холодъ, — а вольная рать
На великое дѣло идетъ:
Побѣждать, иль въ бою помирать...
Путь опасенъ, тяжелъ и далекъ,
Безъ числа и трудовъ и тревогъ...
Но лишь Богъ это знаетъ Одинъ:
По простору сибирскихъ равнинъ
Ты леталъ ли бы нынѣ, конекъ,
Коль сюда бы въ былые вѣка
Терпѣливая рать Ермака
Не пришла, чтобы ихъ покорить,
И казацкою кровью своей

Неоглядное лоно полей
Поскупилась тогда обагрить?..

IX

Дальше мчится желѣзный конекъ,
Будитъ грохотомъ сонную тишь...
Промелькнулъ въ сторонѣ огонекъ,
Впереди — серебрится Иртышъ.
Колыхается, еле дыша,
Богатырская грудь Иртыша...
На рѣкѣ — тамъ и сямъ огоньки.
Безпокоя поверхность рѣки,
Тамъ и сямъ пароходы снуютъ...
Пѣсню вольную гдѣ-то поютъ,
Громыхаютъ заводы... Вдали
Колокольни взнеслись отъ земли
Изъ-за бѣлыхъ домовъ городка...
А луна такъ чиста и ясна,
Будто хочетъ напомнить она,
Какъ въ привольныхъ поляхъ Ермака,
Гдѣ казацкая кровь пролилась, —
Новой жизни заря занялась...

X

Но свободна отъ рабскихъ оковъ.
Будто вѣтеръ вольна и легка,
Дума мчится туда, гдѣ рѣка
Въ глубинѣ пролетѣвшихъ вѣковъ
Мимо дикихъ крутыхъ береговъ

Свои мощныя воды несла...
Жизнь кругомъ непробудно спала, —
И дремала спокойно рѣка,
На себѣ отражая лѣса,
Берега, облака, небеса...
Лишь порою челнокъ рыбака
Бороздилъ ея лоно слегка,
Да по прихоти буйной своей
Набѣгалъ съ необъятныхъ полей
Ураганъ на пловучій просторъ, —
И Иртышъ поднимался на споръ,
Ярый гнѣвъ отражало чело,
И шумѣлъ и дышалъ тяжело...
И на лоно прибрежныхъ песковъ,
Будто рвущійся звѣрь изъ оковъ,
Разбѣгался клокочущій валъ...

XI

Разъ до зорьки съ дружиною всталъ
И въ погоню ушелъ атаманъ,
Довѣряясь словамъ басурманъ,
Что Кучумъ торгашей полонилъ...
Далеко ихъ коварный обманъ
Отъ станицы своей заманилъ!..
Да къ тому жъ задался и денекъ—
Вѣялъ холодомъ, сыпалъ дождемъ,
Степь пуста, безпріютна кругомъ,
Всякъ усталъ, и иззябъ, и промокъ...
Вотъ нашли казаки островокъ,
И на лоно промокшей земли

Новыхъ силъ набираться легли.
Ихъ привычнымъ покровомъ была
Непроглядная ноченьки мгла,
Да стада облаковъ дождевыхъ;
Колыбельную пѣсню для нихъ
Вѣтеръ буйный въ тоскѣ напѣвалъ;
Сторожила покой ихъ рѣка,
Тихо сѣрый дымокъ огонька
Вмѣсто милыхъ душѣ цѣловалъ...
Былъ такъ сладокъ глубокій ихъ сонъ!
Души, лаской забытыя онъ
Подхватилъ и умчалъ въ тѣ края,
Гдѣ все милое: домъ и семья...
Гдѣ, какъ май, весела и чиста
Дѣтства шла золотая пора...
И счастливой улыбки игра
Имъ порой оживляла уста...
Лишь не спитъ атаманъ въ эту ночь:
Онъ не въ силахъ тоски превозмочь,
Дума черная умъ обняла,
Гложетъ сердце невѣдомый страхъ...
Голова его въ черныхъ кудряхъ
На могучей рукѣ прилегла...
Нѣтъ услады въ побѣдномъ вѣнцѣ
На поляхъ покоренной земли...
И глубокія складки легли
На окованномъ думой лицѣ...

XII

Чу! надъ станомъ ночнымъ казаковъ
Зазвенѣли мечи басурманъ...

Встрепенулся отъ думъ атаманъ.
Онъ дружину зоветъ на враговъ, —
Но спала непробудно она: —
Его голосъ отъ мертваго сна
Разбудить ее къ битвѣ не могъ...
Въ одинокой борьбѣ изнемогъ
Атаманъ, опустилась рука...
Онъ бѣжитъ къ челнокамъ, а рѣка
Далеко челноки отнесла;
Но на нихъ лишь надежда была —
И поплылъ надъ пучиной Ермакъ!
Отъ враговъ схоронилъ его мракъ,
Да добычу въ кольчугѣ стальной
Проглотить захотѣла рѣка, —
И покрыла тяжелой волной
Казака — Ермака!
И на днѣ изъ сыпучихъ песковъ
Роковую постель настлала,
Крѣпко тиной рѣчной обвила —
Усыпила на вѣки вѣковъ...

XIII

Ночь прошла. Заалѣлся востокъ.
Разсвѣло. Надъ рѣкой вѣтерокъ
Проносился порой, чуть дыша...
Не легла на челѣ Иртыша
Ни одна безпокойства черта,
Будто вѣчно свободна, чиста
У него отъ пороковъ душа...
Вотъ и ясное солнце встаетъ,

Нѣжитъ лаской луга и поля, —
И очнулась отъ дремы земля
Для дневного труда и заботъ...
Непробудно лишь рать Ермака
Почиваетъ среди островка:
За опушкой плакучихъ ракитъ —
Она зова не слышитъ и спитъ!

Понапрасну потоки лучей
Озаряли орбиты очей,
Разжигали румянецъ ланитъ;
Понапрасну шалунъ вѣтерокъ
Прибѣгалъ изъ-за дальнихъ морей,
Вѣялъ кольца казацкихъ кудрей,
Посыпалъ въ нихъ сыпучій песокъ;
Понапрасну плескалась рѣка,
Понапрасну съ вѣтвей лозняка
Заливалася пташка одна
Заунывною пѣсней тоски, —
Въ этотъ разъ не могли казаки
Побороть непробуднаго сна...

XIV

Поднимается солнце вѣка,
А на лонѣ того островка
Ни одинъ удалецъ не встаетъ...
Буйный вѣтеръ имъ пѣсни поетъ,
Шепчутъ сказки кусты лозняка,
Да, порою разлива, рѣка
Насыпаетъ надъ ними курганъ,

И поетъ, какъ отъ рукъ басурманъ
Погибала здѣсь рать Ермака...

Спятъ бойцы... Островокъ позабытъ,
Гдѣ ихъ прахъ непробудно лежитъ;
Безпощадной рукой времена
Въ Лету бросили ихъ имена...
Но слѣды ихъ великихъ трудовъ
Вереницы прошедшихъ годовъ
Со скрижалей стереть не могли;—
И — въ Сибирь изъ родимой земли
Устремились волной земляки...
Тамъ и сямъ завелись городки;
По лицу молчаливыхъ долинъ
Терпѣливой рукой селянинъ
Поднимаетъ съ молитвою новь...
По лугамъ, гдѣ струилася кровь,
Зазвенѣла коса косаря —
Новой жизни и мира заря
Расцвѣла надъ землей Ермака.
И отъ гордыхъ вершинъ Яика
Рѣчь, родная бойцамъ-казакамъ,
Разлилась далеко — къ берегамъ,
Гдѣ великій старикъ-океанъ,
Никогда не смолкая, шумитъ,
И дробится, и бьетъ о гранитъ...

XV

Спитъ въ кольчугѣ своей атаманъ
Непробудно въ пескахъ Иртыша...
Но любившаго волю душа

Межъ людей и понынѣ живетъ,
Никогда на Руси не умретъ
Беззавѣтная удаль бойца!..
Воевать не влекли молодца
Ни почетъ, ни добыча, ни власть, —
Только воля была его страсть,
Рыцарь воли онъ былъ до конца...
Покоривъ необъятный Востокъ,
Не носилъ онъ побѣдный вѣнокъ
На отмѣченномъ небомъ челѣ, —
Подарилъ онъ родимой землѣ
Всѣ облитые кровью плоды,
А себѣ у нея за труды
Одного примиренья молилъ...
Надъ курганомъ безвѣстныхъ могилъ
Не стоитъ молодцамъ мавзолей —
Вѣчный сонъ, можетъ быть, тяжелѣй
Тамъ, гдѣ давитъ холодный гранитъ...
Но навѣки о нихъ сохранитъ
Въ сердцѣ память великій народъ,
Помянетъ на молитвѣ своей,
Задушевную пѣсню споетъ...
По лицу святорусскихъ полей
Покатится та пѣсня волной, —
За предѣлы отчизны родной
Не снесетъ нашу пѣснь вѣтерокъ:
Всюду Русь, — на закатъ и востокъ.

1900—1901.
Петропавловскъ Акм. обл.

ВЪ СТЕПИ

Теплымъ маемъ пыленъ городъ,
Тѣсно въ сводахъ душныхъ...
Напоили, осѣдлали
Двухъ коней послушныхъ...
Вотъ усѣлись... ноги въ стремя...
Опустили коней —
И несемся съ вѣтромъ буйнымъ, —
Не поспѣть погоней!..
Поскакали наши кони,
Какъ сорвались съ цѣпи;
Понеслись они на волю —
Въ ширь родимой степи...

*

Ничего кругомъ не видно:
Степь да сводъ небесный!..
Утонулъ въ дали лазурной
Гдѣ-то городъ тѣсный...
Попадается навстрѣчу
Только воздухъ сочный,
Да въ лицо волною дышитъ
Ароматъ цвѣточный...
Тамъ и сямъ по степи вольной
Разлеглись туманы,

Серебрятся яркимъ свѣтомъ,
Вводятъ взоръ въ обманы:
То блеснутъ веселой рѣчкой,
То заливомъ соннымъ...
Хороша степная воля
Подъ шатромъ бездоннымъ!..

*

Мавзолей мелькнетъ порою
Надъ степной могилой...
Спитъ подъ нимъ киргизъ богатый
Средь отчизны милой...
Ярко солнце въ полдень жгучій
Заливаетъ свѣтомъ,
Звѣзды ночью хоромъ блещутъ
И зимой и лѣтомъ,
Да порою вѣтеръ буйный
Прошумитъ, промчится...
Отгадать бы да провѣдать,
Что киргизу снится?...

*

Долго съ вѣтромъ мы носились, —
Отдохнуть бы надо!...
Вотъ вдали аулъ пестрѣетъ,
Копошится стадо:
Ходятъ тучные бараны —
Слаще травки ищутъ...
Пастухи вкругъ нихъ верхами
То и дѣло рыщутъ...
Недалеко отъ аула
Табуны пасутся...

Къ нимъ на волю наши кони
Изъ удила рвутся...
Тише, стойте, наши кони!
Не гулять вамъ болѣ
Со степными табунами
На широкой волѣ!..
Иль въ плѣну у человѣка
Вамъ житье не сладко?..
Говорю, а самъ по волѣ
Я грущу украдкой...

*

Привязали рѣзвыхъ коней
У арбы скрипучей,
А вокругъ киргизы сбились
Любопытной кучей.
Всѣ они душою—дѣти,
Неуклюжи, грязны,
Жизнь проводятъ полудико
И все время праздны.
Рваны, пусты и убоги
Бѣдняковъ жилища,
Имъ кумысъ одинъ все лѣто
И питье и пища;
Груда старыхъ рваныхъ тряпокъ—
Гардеробъ и ложе...
Но всего для нихъ на свѣтѣ
Воля—степь дороже...

*

Безъ доклада мы заходимъ
Въ юрту богатѣя...

Густо въ юртѣ прорастаетъ
Травка, зеленѣя...
На коврѣ усѣлись важно,
Подобравши ноги.
Хорошо въ прохладной юртѣ
Отдохнуть съ дороги!
Появился передъ нами
Круглый столикъ низкій,
Принесли кумысъ пахучій
Въ оловянной мискѣ...
Самъ хозяинъ влагу вспѣнилъ,
Налилъ три стакана—
И пируемъ мы на славу
Въ юртѣ мусульмана...

*

Скромно, чинно между нами
Разговоръ ведется:
«Что, хозяинъ, какъ вамъ нынѣ
На степи живется?
Чай теперь въ степяхъ широкихъ
Лучше житься стало,
Какъ прошелъ по ихъ простору
Конь стальной удалый?
Разнесетъ онъ свѣтъ повсюду,
Степь отъ сна разбудитъ,
И на ней тогда народу
Легче житься будетъ»...

*

Но не вторитъ нашимъ грезамъ
Мусульманъ угрюмый,

Лишь чело его сѣдое
Омрачилось думой...
Аракчинъ рукой поправивъ,
Онъ сказалъ съ досадой:
«Что намъ толку въ той дорогѣ—
Намъ ея не надо...
Не на радость намъ забѣгалъ
Вашъ конекъ удалый,
Безъ него у насъ найдется
Скакуновъ не мало.
Что ни день по той дорогѣ
Изъ Руси—оттуда,
Много—много въ наши степи
Наѣзжаетъ люда...
День и ночь сердца до боли
У киргизовъ ноютъ:
Скоро степь родную нашу
Всю сохой изроютъ,
Скакуны лихіе наши
Потеряютъ волю...
И живи киргизъ безъ степи,
Проклиная долю!..
Въ снѣ глубокомъ подъ курганомъ
Не услышать предкамъ,
Какъ на свѣтѣ житься будетъ
Горемычнымъ дѣткамъ...
Можетъ быть и ихъ неволя
Въ кабалу загонитъ;
Подъ ярмомъ труда и силы
Наша степь застонетъ.
Искони была ты вольной,
Сторона родная,—

По душѣ ль тебѣ придется
Эта жизнь иная?»
Замолчалъ старикъ угрюмый,
Голову повѣсилъ...
Знать пришла пора плохая,
Что киргизъ невеселъ!..

*

Солнце клонится къ закату—
Въ путь-дорогу время...
Отвязали борзыхъ коней,
Натянули стремя
И опять по вольной степи
Съ вѣтеркомъ помчались—
Вновь туда, гдѣ всѣ заботы
Хоть на часъ остались...
Вотъ и городъ... Свѣтъ дрожащій
Блещетъ сквозь окошки,
Вотъ и конь желѣзный мчится
По прямой дорожкѣ,
Тяжко дышитъ бѣлымъ паромъ,
Свистомъ степи будитъ:
«Пробудитесь! жизнью новой
Легче житься будетъ!»

1901.

КОШЕЛЕВЦЫ

I

Сорокъ лѣтъ они бродили
По родному полю
Съ той поры, какъ имъ открыли
Дорогую волю;
Поливали поле по́томъ,
Будто пухъ взрывали,
Золотымъ зерномъ съ молитвой
Землю засѣвали;
Теплыхъ дождиковъ просили
У благого Неба,
Чтобъ до нови народилось
И травы, и хлѣба;
Чтобъ не быть голодной смерти
Все семьѣ растущей,
Да избавиться хоть мало
Отъ нужды гнетущей;
Чтобы старостѣ мірскому
Заплатить оброки
На казенныя потребы
Аккуратно, въ сроки...

II

Сорокъ лѣтъ, какъ подарена
Для крестьянъ свобода...
Развелось за это время
На Руси народа;
Разрослися наши села
И плотнѣй, и болѣ...
Только тѣмъ-же все осталось
Имъ родное поле: —
Разростись ему пошире
Мѣста не достало,—
И мужицкая полоска
Каждый годъ мельчала...
На тепло и частый дождикъ
Не скупилось небо,
Но все больше не хватало
И травы, и хлѣба...
На поляхъ мужицкой силѣ
Не достало дѣла —
Одолѣла всѣхъ забота,
Да нужда заѣла!..

III

Чтобъ найти себѣ опору
Для суровой жизни,
Разбродились кошелевцы
По родной отчизнѣ;
Обходили съ каждымъ годомъ
Городовъ безъ счета,

За гроши теряли силу,
Гдѣ была работа;
За рублевки продавали
Годовую волю,
Разливали потъ обильный
По чужому полю,
Вырывали дно рѣчное,
Для судовъ—каналы,
По горамъ вели дороги,
Настилали шпалы...
Кровь ихъ теплую машиной
Богачи сосали,
Корку черствую безъ соли
На обѣдъ бросали...
Расточивши всѣ до капли
Трудовыя силы,
Много ихъ среди чужбины
Улеглось въ могилы...
Доставалась имъ могила,
Какъ и жизнь, сурова:
Нѣтъ надъ ней плиты надгробной,
Ни креста святого...
Только кустъ травы шелковой
Выростаетъ лѣтомъ,
Да порой пѣвунья—пташка
Прилетитъ съ привѣтомъ...
Не пошли-бы кошелевцы
За рубли въ неволю,
Будь-бы шире лугъ зеленый,
Да привольнѣй поле...

IV

То не колоколъ вечерній
Въ Божій храмъ сзываетъ,—
О сибирской вольной жизни
Кошелевка баетъ,—
Баетъ: тамъ живутъ крестьяне —
Податей не платятъ,
А земли косятъ и пашутъ—
Сколько кто захватитъ...
Всколыхнулись кошелевцы—
Собрались на вѣче,
То и дѣло ширь степную
Вспоминаютъ въ рѣчи...
Посудили, порядили,
Пошумѣли вволю—
Порѣшили перебраться
На степную волю...

V

Свечерѣло... На долины
Тихо ночка пала...
Мужики по тѣснымъ хатамъ
Разбрелись помалу...
Воцарилась надъ землею
Тишина нѣмая..
Лишь порою заливалась
Рѣзвыхъ мосекъ стая,
Да слетались къ кошелевцамъ
Чудо—сны оттолѣ,
Гдѣ землица безъ оброка,
Безъ границы поле...

VI

Встали утромъ кошелевцы,
И давай базарить—
Все убогое хозяйство
По людямъ мытарить...
Все спустили:—не осталось
Ни кола, ни хаты,
Да за то теперь рублями
Мужики богаты—
Не богаты: быть богатымъ
Не въ мужицкой долѣ,—
При такихъ скупыхъ надѣлахъ
И въ лугу, и въ полѣ.

VII

Вотъ собрались въ день условный,
Помолились Богу,
Размѣстили по телѣгамъ
Бѣдный скарбъ въ дорогу.
Провожать переселенцевъ
Собрались сосѣди;
Сердобольныя сосѣдки
Натащили снѣди,
Богомольная старушка
Обнесла иконой,
Чтобъ Спаситель на чужбинѣ
Былъ имъ обороной,
Да въ успѣхѣ Божья Матерь
Бѣднымъ помогла-бы...
Только тронули лошадокъ—
Заревѣли бабы...
Мужики въ терпѣньи вѣчномъ

Крѣпче камня стали,
Да и съ ихъ усовъ слезинки
Много разъ упали...

VIII

И ушелъ изъ Кошелевки,
Караванъ убогій
Изъ отчизны—на чужбину,
Въ даль—большой дорогой!
Съ поля чистаго дорога
Повернула логомъ—
Ну, родная Кошелевка,
Оставайся съ Богомъ!
Коли имъ не улыбнется
Сторона чужая,
Ты прими къ себѣ ихъ снова,
Будто мать родная...
Коль до сыта не накормишь—
Окажи хоть ласку...
Ну—ка, дядя—провожатый,
Погоняй савраску!—
Пусть скорѣе кошелевцы
На машинѣ будутъ;
Покатятъ по ней стрѣлою—
Грусть—тоску забудутъ;—
Покатятъ—мужичью долю
Поискать по свѣту,
Что отъ самаго рожденья
Затерялась гдѣ-то...

IX

Эхъ, ты, доля кошелевцевъ—
Міровое чадо!

Что ты ихъ не приголубишь,
Не даришь отрадой?
Затерялась какъ былинка,
Въ неизвѣстномъ мѣстѣ,
Не пошлешь на голосъ зова
Ни чутья, ни вѣсти...
И тебя на бѣломъ свѣтѣ
Поищи—поди-ка!—
На всѣ стороны дороги,
Мать—земля велика...
Попадались кошелевцамъ
На ея просторѣ
Лишь безвременье на встрѣчу,
Лишь нужда да горе,
Да носились всюду крики:
—Доля, доля, гдѣ-ты?
Но не доля—трудъ да голодъ
Слали имъ отвѣты...

X

А о нихъ то мечутъ громы
Города-столицы,
Что бѣгутъ-де кошелевцы,
Отъ родной землицы,
Не по сердцу имъ-де стала
За сохой работа,
Хлѣбъ-де бѣлыми руками
Добывать охота...
Упрекаютъ страстью къ чаркѣ,
Упрекаютъ лѣнью;
Видятъ въ этомъ лишь причину

Бѣдноты селенья...
Говорятъ, что ихъ исправитъ
Лишь режимъ суровый;—
Много противъ кошелевцевъ,
А за нихъ—ни слова!...

XI

Осуждайте беззащитныхъ,
Упрекайте—что же!—
Есть иной судья надъ нами—
Правосудный Боже;
Видитъ онъ людскія слезы,
Всѣ сердца читаетъ,
Оправдаетъ—не осудитъ,
Что народъ блуждаетъ...
Погодите: въ небѣ синемъ
Безъ помоги вашей
Заблеститъ звѣзда народа
И яснѣй, и краше!
Если вынесъ одиноко
Онъ позоръ и цѣпи,
Сокрушатъ-ли эту силу
Наговоръ да степи?
Съ нею онъ иную долю
Подъ землю сыщетъ,
Кудри русыя расчешетъ,
Соловьемъ засвищетъ,
И пойдетъ съ широкой пѣсней
Всѣмъ врагамъ на встрѣчу...
Только жаль, что пѣснѣ этой
Ужъ не я отвѣчу...

1901.

НА ОБИ

Мы бѣжимъ по Оби. Великанъ пароходъ
Будитъ волны на глади рѣчной.
Волны глухо шумятъ, подаются впередъ,
Умираютъ одна за одной...
Мы бѣжимъ... Убѣгаютъ назадъ берега,
Вереницы пустыхъ острововъ...
А кругомъ—спятъ поляны, лѣса и луга...
Ни движенья, ни пѣсенъ, ни словъ..

*

Дальше—тотъ же зеленый, безлюдный просторъ,
Все такая-жъ пустыня—рѣка...
Сонъ повсюду, какъ въ сказкѣ... Туманитъ мой взоръ
Разбудившая думы тоска:
Тамъ, въ родимой, покинутой мною, дали
Приложить людямъ некуда трудъ;
Тамъ въ тяжелой нуждѣ, безъ работы, земли,
Люди съ голода сотнями мрутъ...

*

Вотъ сюда бъ ихъ, на этотъ широкій просторъ,
Да во имя святого добра
Дать бы въ руки имъ соху, пилу и топоръ,
Да помочь сколотить хутора,—

И тогда среди этихъ нѣмыхъ пустырей
О, какія бы нивы цвѣли!
О, какія богатства трудомъ пахарей
Собирались бы съ тучной земли!

*

Но—сбывается дума! голодный народъ
Къ этимъ вольнымъ мѣстамъ на пути...
Посмотри: ихъ тѣлами покрытъ пароходъ,
Всюду людъ—ни ступить, ни пройти!
Грязь, лохмотья, узлы... Тамъ закашлялъ старикъ,
Тамъ рыдаетъ дитя... Духота...
Корки хлѣба... вода... Стоны, сдавленный крикъ...
Какъ ужасенъ твой ликъ, бѣднота!..

*

Безпокоится сердце,—не бейся, не трусь:
Это все—безотвѣтный народъ;
То родная, забитая, сѣрая Русь
Поискать свою долю идетъ...
Только всѣмъ ли дойти? Черезъ-чуръ ужъ хила,
Черезъ-чуръ ужъ темна и бѣдна...
Гдѣ взять силъ для труда? для работы—вола?
Гдѣ добыть для посѣва зерна?...

*

Есть надежда одна: онъ терпѣньемъ великъ,
Онъ—страдалецъ забитый, нашъ пахарь мужикъ,

Онъ—который лишь чудомъ и живъ...
Онъ захочетъ—дойдетъ, коль не бодрымъ—больнымъ;
И древеснымъ сучкамъ-коль не плугомъ стальнымъ
Безъ помоги надѣлаетъ нивъ!

*

Такъ иди-же, народъ, одиноко впередъ;
Подаянья не жди,—долю—счастье куетъ
Искони больше—всякій себѣ...
Поумнѣй, посмѣлѣй!—лишь тогда изъ-за-тучъ
Улыбаться начнетъ солнца яснаго лучъ
И твоей многострадной судьбѣ...

1907.

* *

День закатился—темнѣетъ природа,
Стала задумчивѣй жизнь парохода.
Ночка навѣяла въ сердце кручину,
Скрыла подъ пологомъ землю-чужбину.
Жадно въ пространство подъ дымкою ночи
Переселенцевъ впиваются очи.
Вотъ—отдѣлились, глубоко вздохнули,
Пѣсню вполголоса вдругъ затянули,—
Пѣсню, которой на родинѣ милой
Горькое—горе сызмала учило...

*

Плакала пѣсня, рыдала въ чужбинѣ,
Будто какъ мать по схороненномъ сынѣ;

Тихо струилась, душой тосковала,
Слезы разлуки рѣкой проливала;
Пѣла о счастьѣ, о Волгѣ, о миломъ,
Пѣла о мачихѣ, мужѣ постыломъ,
Пѣла о рѣчкѣ, о травкѣ, о полѣ,
Пѣла о рабствѣ, о волюшкѣ-волѣ
Пѣла о долѣ, схороненной гдѣ—то...
Билась, молилась, искала просвѣта,
И—замирала съ тяжелой истомой
Въ темной дали стороны незнакомой...
...Кончилась пѣсня, растаяли звуки!
Только на сердцѣ остался муки—
Муки, которыми пѣсня страдала,
И—какъ ребенокъ оно зарыдало!

*

...Чистыя слезы, хорошія слезы—
Будто росинки изъ чашечки розы!—
Какъ онѣ славно и дружно обмыли
Сердце больное отъ жизненной пыли!
Хочется снова на свѣтъ—на свободу,-
Вѣрой служить беззавѣтно народу.
Стало не страшно, хотя одинокимъ,
Честно идти къ идеаламъ далекимъ.

1909.

ГОРЕМЫКИ

I

Будто слѣдъ отъ удара бичомъ,
Раскаленная знойнымъ лучомъ,
Пролегаетъ степная дорога.
Спитъ она въ цѣпенѣньи нѣмомъ...
Ей угаръ суеты незнакомъ,
Сонъ ея не пугаетъ тревога...
Лишь порой ямщики-удальцы
Прокатятъ... прозвенятъ бубенцы—
И опять тишина лишь нѣмая!
И опять на дорогѣ мертво,
Не видать, не слыхать никого
На просторѣ отъ края до края!..

II

По дорогѣ въ былые года
Подкандальныхъ большія стада
Посылала отчизна родная.
Плыло сѣрое стадо гуськомъ...
Пыль вздымалась, несло дегтькомъ,
И сверкала щетина стальная...
Оглашалось приволье степей
Громыханьемъ и звономъ цѣпей,

Раздавались измученныхъ стоны...
Слава Богу! обозы прошли...
Подкандальныхъ теперь повезли
Пароходы и тюрьмы—вагоны...

III

Въ мірѣ есть неизбѣжность—законъ.
Человѣческимъ разумомъ онъ
Не изложенъ средь писанныхъ сводовъ.
Онъ всевластенъ, могучъ и жестокъ;
Онъ ведетъ куда хочетъ потокъ
Силъ и мысли живущихъ народовъ.
Онъ царитъ, но таится во мглѣ,
Былъ и будетъ всегда на землѣ
Новъ велѣньемъ превратности строгой.
Онъ велитъ—царства прахомъ падутъ;
Онъ велитъ—милліоны пойдутъ
Имъ намѣченной трудной дорогой.
Онъ велѣлъ—и дорогой степной
На Востокъ въ непогодье и зной
Потянулась сермяжная сила...
Не отъ радости сила пошла...
Выходя изъ родного села,
Каждый разъ, какъ дитя, голосила...

IV

Много видѣлъ я горя и бѣдъ,
По чужбинѣ съ младенческихъ лѣтъ
Ради хлѣба дневного скитаясь.

Проходила не разъ предо мной
Эта сила дорогой степной,
Не въ хмелю—въ изнурены шатаясь..
Я глядѣлъ—оторваться не могъ,
Былъ мой вздохъ и тяжолъ, и глубокъ,
Дума думу на сердцѣ будила:
Далеко-ли? послѣдній ли путь?
И найдешь ли ты гдѣ отдохнуть.
Безталанная, честная сила?.
Но прошли, и дорога молчитъ.
Развѣ коршунъ вверху прокричитъ,
Да удалая тройка проскачетъ.
Взгромыхнетъ тяжело тарантасъ,
Потревоженной пылью обдастъ,
Колокольчикъ съ минуту проплачетъ,
И опять спитъ просторъ глубоко!..
Только видишь, какъ тамъ—далеко
Къ степи небо любовно припало;
Какъ порою летятъ журавли,
Да степная дорога вдали
Все чернѣла, вилась и—пропала....

V

Ни души на просторѣ кругомъ!
Солнце знойное пышетъ огнемъ,
Вся земля умираетъ въ томленьи...
Потянулъ было вдругъ вѣтерокъ,
Полетѣлъ надъ землей—и не могъ,
И уснулъ на ходу безъ движенья...
У дороги кобылка звучитъ;

По дорогѣ телѣга стучитъ,
Чалый конь еле двигаетъ ноги.
Утирая рубахою потъ,
Рядомъ съ чалымъ Данило идетъ—
Раздѣляетъ съ нимъ тяжесть дороги.
На лохмотьяхъ въ телѣгѣ—жена...
Сухаремъ утѣшаетъ она
Малолѣтняго, хилаго сына...
Плачъ да стоны—за сердце беретъ!
Тихо движется степью впередъ
Невеселая эта картина...

VI

Стало чалому трудно идти...
Онъ споткнулся, упалъ на пути,—
Доконали труды да натуга!
Разрыдалась надъ чалымъ семья:
Разметала надежды ея
Смерть прилежнаго, вѣрнаго друга!..

VII

Умеръ конь... Пострадалъ, послужилъ...
Черный воронъ надъ нимъ закружилъ...
Исхудалое тѣло остыло...
Лило солнышко ласку, тепло,
Но разсѣять оно не могло
Ночь осеннюю въ сердцѣ Данила.
Надрывался сынишка больной...
Посрединѣ дороги степной

Сиротою телѣга стояла...
Такъ въ моряхъ, далеко отъ земли,
Безъ движенья стоятъ корабли,
Если тишь роковая напала.
Опустились безъ силъ паруса...
Люди молятъ въ слезахъ небеса,
Чтобы воздуху дали движенье...
Дни идутъ... Вѣтерокъ не бѣжитъ...
Будто зеркало, море лежитъ
И покоитъ въ себѣ отраженья.

VIII

Съ первымъ блескомъ разсвѣтныхъ лучей
Бѣдняки, не сомкнувши очей,
Уходить собирались съ ночлега.
Уже были совсѣмъ на пути,
По мѣшку за спиной. Да уйти
Не давала отъ мѣста телѣга.
—«Городокъ—то верстахъ въ двадцати...
«Не оставимъ въ степи на пути
«Мы телѣгу—все наше имѣнье!»..
Подошли они къ ней не спѣша,
Положили въ нее малыша,
Затянули оглобли въ ременья,
Запряглися рядомъ, повезли,—
И телѣга о лоно земли
Какъ вчера-же, опять застучала...
Шли... Вздыхали порой тяжело...
Солнце землю не грѣло, а жгло,
Степь—пустыня могилой молчала...

IX

Долго шли... Ныла грудь отъ ремня...
За сіяньемъ лазурнаго дня
Опустилася ночь понемногу.
Привалили, костеръ развели...
А съ зарей запряглись, и пошли
Въ ту же трудную снова дорогу...
Вотъ и городъ. Ужъ солнце взошло,
Льетъ на землю привѣтъ и тепло,
Воздухъ полонъ воскресною нѣгой...
Пустота. По дорожной пыли
Только двѣ борозды,—провели
Горемыки своею телѣгой.
Чу: ударъ.... Звукъ потрясъ тишину,
Расхлеснулся, какъ валъ, въ ширину
Разбудилъ христіанскія груди.
Осѣнились крестомъ, и пошли
Въ храмъ—душой вознестись отъ земли
Равнодушно—спокойные люди.
Прочь отъ нихъ, не ходи на глаза
Неутѣшнаго горя слеза,
Все больное, убогое—мимо!
Помѣшаете вы вознестись
Имъ духовно въ небесную высь
Съ облаками кадильнаго дыма!
Въ облегченье тревожной души
Какъ цѣлебный бальзамъ хороши
И молитвы, и стройные звуки.
Но есть дѣло, достойнѣй вѣнца:—
Зажигать состраданьемъ сердца
Къ беззащитнымъ отъ скорби и муки...

X

Налегалъ на оглобли мужикъ...
Обгоняла въ пути горемыкъ
Разодѣтыхъ людей вереница...
Ни участья, ни сердца ни въ комъ!
То насмѣшки язвительной комъ,
То тупыя, холодныя лица...
Вотъ и храмъ. Золотые кресты.
Солнце ярко на нихъ съ высоты
Переливами свѣта играло.
А изъ храма въ минуты тиши,
Задѣвая за струны души,
Выливалися волны хорала.
Вотъ икона въ кіотѣ у вратъ.
Полонъ грусти божественный взглядъ...
Книгу жизни Онъ держитъ рукою:
—«Утомленные въ тяжкомъ трудѣ,
«Ослабѣвшіе духомъ въ нуждѣ,
«Пріидите—и Азъ успокою»...
Подошелъ, и положилъ къ Нему
Все, не нужное здѣсь никому,
Скорбь, и горе, и слезы Данило...
То падетъ, то стоитъ въ столбнякѣ...
И тогда на лохматой башкѣ
Вѣтеркомъ волоса шевелило...

XI

Кушалъ чай на балконѣ богачъ.
Слышалъ говоръ, и стоны и плачъ,
Видѣлъ страстное Спасу моленье;
Люди сами телѣгу везли...

Не веселыя думы пришли—
И проснулося въ немъ сожалѣнье.
Онъ зоветъ. Голосъ дрожью звучитъ;
Сила золота въ зовѣ молчитъ,
Говоритъ за нее состраданье.
Услыхали—въ испугѣ стоятъ...
Подойдите! владѣлецъ палатъ
Пожалѣетъ васъ, божьи созданья...
Воротились—и сталъ предъ купцомъ
Съ виноватымъ, печальнымъ лицомъ,
Оборванный и жалкій Данило...
Что стоишь, честный пѣстунъ земли?
Дни твоей кабалы не прошли,—
Преклонись передъ золотомъ—силой!...
Но когда перестанетъ дремать
Черноземная силушка—мать,
Озаритъ ее солнышко знанья,
Будетъ шире дорога труду—
Побѣдишь ты злодѣйку—нужду
Безъ постыдныхъ кусковъ подаянья!...

XII

—«Разскажи-ка, не бойся меня:
Что тел ѣгу везешь безъ коня,
И куда свою держишь дорогу?»
Отвѣчаетъ Данило съ тоской:
—«Былъ и конь, работящій такой,
—«Палъ въ степи... согрѣшили мы Богу»...
Дальше—больше пытаетъ купецъ.
Рѣчь несвязная, стонъ... Наконецъ
Развязался языкъ у Данила.

Рѣчь повелъ убѣжденно, умно,—
Наболѣвшее сердце давно—
А не онъ—съ богачемъ говорило!..

XIII

—Дни пришли: порѣдѣли лѣса...
Что ни годъ, то въ урѣзъ полоса,—
На чужбину пошли для работы...
Походили—толковъ не нашли,—
И на поиски вольной земли
Повалили толпою безъ счета!..
Натерпѣлись въ дорогѣ всего...
Потеряли родныхъ кой-кого;
Сберегая копѣйки—не ѣли...
Далеко насъ судьба завела!
Но вблизи небольшого села
Мы на новое мѣсто засѣли...
Заводились скотомъ, кто богатъ,
Понастроили бѣленькихъ хатъ,
Бѣдняки—шалашей, не избенокъ!
Распахать бы полоску тогда
Въ озимой, да заѣла нужда:
Ни сѣмянъ, ни сохи, ни деньжонокъ...
Такъ то лѣто пропало у насъ.
Истощился нашъ скудный запасъ
Только лишь холода подоспѣли...
Холодъ, сырость, да страшный недугъ—
Въ эту черную зиму, мой другъ,
Земляки умирали, болѣли...
Потеряли двоихъ мы ребятъ,
И въ холодной могилѣ подъ-рядъ
Не родною землей завалили...

Мы томилися въ горѣ нѣмомъ...
Въ утѣшенье скорбей подъ окномъ
Только вьюги сердитыя выли...

XIV

По веснѣ оголилась земля.
Распахать бы, засѣять поля,
Да не многимъ то было подъ-силу!
И пошли по людямъ бѣдняки,
Нанялись въ пастухи, батраки,
Называючи долю «постылой»...
Но все то бѣда—полбѣды.
Вотъ какъ лѣтомъ не стало воды,—
Тутъ то горюшко наше сказалось...
Подъ рукой— ни озеръ, ни рѣки,
Пересохли совсѣмъ ручейки;
А въ колодцахъ то—дно показалось!..
Пострадали и люди, и скотъ.
Собирался на сходку народъ;
Поругали хожалыхъ немного,
О бѣдѣ потужили до слезъ,—
И опять многолюдный обозъ
Потянулся со скрипомъ въ дорогу,
На «Поповы Ключи»...
Ну, а я не хотѣлъ.
Нѣтъ, довольно, сказалъ, потерпѣлъ,—
Ворочусь на родную сторонку,
Хоть умру, но у отчихъ могилъ...
На телѣгу семью посадилъ,
И—на западъ махнулъ лошаденку!...
Двѣ недѣли мы были въ пути.
Да не вмочь стало чалку идти,

И упалъ онъ въ степи безъ дыханья...
Ну, а тамъ»...
И замялся мужикъ...
Горечь жизни сдавила языкъ,
Разразились глухія рыданья...

XV

Распахнулося сердце купца,
Онъ зоветъ своего молодца:
—«Запрягите ему вороного,
Дайте денегъ, харчей—и всего,
Чтобъ нужда не терзала его,
По дорогѣ до мѣста родного»...
Вороного въ оглобли ввели,
Потрепали рукой, запрягли;
Надѣлили Данила харчами,
Подаютъ «золотую» ему.
Но не вѣритъ бѣднякъ ни чему:
—«Ваша милость, не смѣйся надъ нами!»
—«Поѣзжай. Не смѣюсь—погляди»...
Какъ то вдругъ у Данила въ груди
Взвыла буря восторга тупого.
Онъ вскочилъ на телѣгу, махнулъ,
И—въ дорожной пыли потонулъ,
Не сказавши единого слова!..
Но опомнился, храмъ увидалъ,
И предъ образомъ Спаса припалъ
Съ благодарной слезою во взорѣ—
За того, кто какъ братъ и какъ другъ,
Посылаетъ спасительный кругъ
Погибающимъ въ жизненномъ морѣ...

1903.

СИБИРСКАЯ ТРОЙКА

Несется тройка удалая—
Душа Сысойки молодца...
Раздумье въ душу навѣвая,
Рокочутъ два колокольца...

На степь легонько ночка пала,
Просторъ въ туманѣ потонулъ...
Махнулъ кнутомъ ямщикъ удалый
И тихо пѣсню затянулъ:

«Родная степь да птица-тройка,
«Мои друзья, мои мечты,
«Потѣшьте бѣднаго Сысойку,
«Разсѣйте горе сироты!..

«Я полюбилъ красу-дѣвицу,
«Во мракѣ ночи цѣловалъ,
«Призналъ ее своей царицей,
«Голубкой сизой называлъ...

«Да бѣдной доли сиротинѣ
«Простить родные не могли,
«И Любу въ вѣчныя рабыни
«Купцу сѣдому отвели...

«Но не снесла она неволи
«Въ цѣпяхъ бездушной суеты—
«И успокоилась къ Николѣ
«Навѣкъ зазноба сироты...

«Я насадилъ надъ ней березы,
«Заплелъ изъ вѣтокъ два вѣнка,
«И убѣжалъ—размыкать слезы
«Въ удалой долѣ ямщика...

«Родная степь да птица-тройка,
«Вы равнодушны къ бѣднотѣ...
«Потѣшьте жъ бѣднаго Сысойку,
«Развѣйте горе сиротѣ!..

«Пошелъ, дружки!» И звонко льются
Лихія пѣсни молодца,
И подпѣваютъ и смѣются
Сысойкѣ два колокольца...

Катится пѣсней по долинѣ
Степная удаль и печаль...
Взгрустнулось сердцу на чужбинѣ,
Кого-то нѣтъ, чего-то жаль...

1902.

НАРОДНОМУ ДОМУ—БАРНАУЛЪ

(На 7 октября — его годовой праздникъ.)

Правитъ праздникъ нашъ «Домъ»—къ Свѣту, къ Солнцу тропа
Для дѣтей и простого народа.
Всюду блещутъ огни. Громыхаетъ толпа,
Дѣтскій смѣхъ долетаетъ до свода.
Нарядился нашъ «Домъ», какъ идти на парадъ,
Какъ на балъ, иль къ вѣнчанью невѣста...
Жизнь, движенье и свѣтъ...
А отцы говорятъ,
Что гдѣ «Домъ» нашъ стоитъ, полстолѣтья назадъ
Было просто—«проклятое мѣсто».
Спалъ запущенный садъ. Въ немъ—большая тюрьма
Въ тучѣ призраковъ страшныхъ стояла...
Сквозь рѣшетки сіяла кромѣшная тьма...
А народу кругомъ для души и ума—
Искони ни луча не зіяло!...
Да, была такъ глубока духовная ночь.
Что сносить ее далѣе стало не вмочь
Тѣмъ, въ комъ искорка Божья горѣла,—
И раздался призывъ—темнымъ братьямъ помочь,
И будить на великое дѣло!...

Чудеса совершилъ благородный порывъ,
«Даръ богатыхъ» и «лепта вдовицы»:—
Всталъ изъ мрачныхъ руинъ—величавъ и красивъ—
«Домъ Народный» на мѣстѣ темницы...
И теперь, гдѣ когда-то «униженный родъ»
Проклиналъ небеса за мученья,—
Раздается призывъ: къ Свѣту, къ Солнцу—впередъ»!
Набирается знанья рабочій народъ,
И разумно идутъ развлеченья.
Слава Богу—свѣтаетъ... Теперь, въ наши дни
По аллеямъ «тюремнаго» сада
Дѣтвора веселится—куда ни взгляни;
Вмѣсто мрака—блестятъ золотые огни,
Вмѣсто стоновъ—слышна серенада...
Слава Богу—свѣтаетъ... Красуйся нашъ Домъ,
И подъ бурями стой величаво!
Память вѣчная павшимъ за этимъ трудомъ,
А живымъ—лучезарная слава!
Уже дрогнула ночь, и пылаетъ востокъ,—
Недалеко до солнца восхода...
Не засѣяны нивы—а сонъ такъ глубокъ...
Эй, вставайте, въ комъ тлѣетъ святой огонекъ,
Поработать на благо народа!..

1909.

ВЪ ПУТЬ!

Ночь непробудная... Душная мгла...
Зорька-красавица въ небѣ взошла,
Но—далеко...
Край нашъ широкій, съ несмѣтнымъ добромъ,
Съ міроздапія мертвеннымъ сномъ
Спитъ глубоко...
Встанемте—время настало вставать!
Будемте къ свѣтлому лучшему звать,
Бить въ барабанъ...
Будемте сонное царство будить,
Будемте доброе сѣмя садить,
Дергать бурьянъ...
Будемте къ Свѣту дороги вести;
Думу подумаемъ, какъ извести
Тьму и нужду...
Будемъ стоять за рабочій народъ...
Слава идущимъ безъ страха впередъ,
Слава Труду!..
Дремой окутанъ нашъ край—исполинъ,—
Край минераловъ и тучныхъ долинъ,
Гордыхъ красотъ...
Ночь задрожала... Заря зацвѣла...
Встанемъ, кто можетъ!—пора за дѣла,—
Къ Солнцу въ походъ!..

1906.

НАРОДНЫЯ ТЕМЫ

ДУМУШКИ

Ой, вы, думы—думушки!
Гдѣ-то вы не носитесь,
И когда съ вѣстями вы
Въ сердце мнѣ не проситесь!
Носятъ васъ безъ устали
Крылья ваши сильныя
Въ пыль былого времени—
Подъ кресты могильные...
Много тамъ попряталось
Непробудно-соннаго,
Мелкаго, великаго,
На вѣкъ затаеннаго!
Носятъ невидимкою
Васъ они—воздушныя—
По палатамъ каменнымъ,
Гдѣ живутъ бездушные,
Гдѣ всѣ дни нарядные
Торжествомъ охвачены,
Состраданье съ правдою
По пути растрачены.
Пиръ въ палатахъ каменныхъ
На пролетъ всѣ ноченьки,
Блескъ добра несчетнаго
Заливаетъ оченьки...

Хвалятъ—не нахвалятся
Думушки летучія:
—«Вишь какъ ярко свѣтятся
Слезоньки горючія!»

По пути заноситесь
Вы въ поля и хижины,
Гдѣ нуждой задавлены,
Да судьбой унижены...
Давитъ рать народную
Трудъ тяжелый смолоду,
Ходитъ рать лохматою,
Умираетъ съ голоду;
Кличетъ—не докличется
Словомъ, горемъ сдавленнымъ:
—Дайте руку помощи
Намъ, судьбой оставленнымъ;
Дайте свѣта божьяго,
Дайте путь къ прекрасному!..
Нѣтъ понынѣ отклика
Зову ихъ напрасному...
Братья откликаются
Отъ святого знамени,
Да залить ли капелькѣ
Лѣсъ, горящій въ пламени!

Часу нѣтъ свободнаго
Вамъ, мои желанныя!
Часто вы летаете
И въ долины бранныя,

Гдѣ поля затоптаны,
Города разрушены,
Чувства человѣчныя
До-смерти задушены...
Кровь изъ ранъ горячая
Моремъ разливается...
А надъ станомъ каждаго
Гордо развѣвается
Знамя бѣлоснѣжное,
Ликъ Христа носящее,
Къ братству людъ зовущее,
Міру—миръ гласящее...
Семьи неповинныя
Гибнутъ тамъ, несчастныя...
...Не летайте, думушки,
Въ тѣ мѣста ужасныя:—
Много старыхъ вѣсточекъ
Въ сердцѣ бѣдномъ прячется...
И отъ нихъ болитъ оно,
Плачетъ—не проплачется...

1900.

ИВАНКО

На поляхъ широкаго Китая
Роковая битва разгоралась.
Мать—старушка, сына провожая,
Причитала, слезно убивалась:
«Ты прости, мое родное чадо,
«Мой Иванко, птенчикъ мой коханый,
«Мой сынокъ, кормилецъ и отрада,
«И косарь, и пахарь неустанный...
«Дай въ послѣдній разъ тобой налюбоваться.
«Ноетъ сердце, ноетъ объ утратѣ...
«Сиротой-горюхой видно мнѣ остаться,
«Развалиться теплой нашей хатѣ,
«Непожатымъ будетъ наше поле...
«Не ходи, кудрявый мой Иванко!»
Не въ его остаться было волѣ,
И ушелъ съ села онъ спозоранка,—
Выходя съ котомкой за ворота,
Обѣщалъ вернуться изъ Китая,
Лишь начнется спѣшная работа—
Въ полѣ рожь нальется золотая...

Унялась въ Китаѣ перебранка,—
Воротились собранныя рати;
Только нѣтъ кудряваго Иванка:
Онъ уснулъ—не помнитъ о возвратѣ;

Онъ уснулъ... но также поневолѣ:
Вражья пуля парня усыпила,
И въ чужомъ, широкомъ бранномъ полѣ
Захлебнула братская могила...

Отъ тоски да горюшка по сынѣ
Мать сложила старческія кости...
Ходитъ вѣтеръ въ хатѣ-сиротинѣ.
Новый крестъ бѣлѣетъ на погостѣ...
На лѣсной распаханной полянкѣ
Полоса не выжата пшеницы...
Тамъ теперь по воинѣ—Иванкѣ
Правятъ тризну радостную птицы.
Колосилась, спѣла—наливалась
Для людей полоска полевая...
Ахъ, зачѣмъ ты только разгоралась
По Китаю, битва роковая?..

1931.

МАЛЮТКА

Зазывали ее въ зноѣ жгучихъ страстей
Къ намъ на землю въ число мимолетныхъ
гостей...
Пропылалъ зной страстей... Но явилась она—
Никому не люба, никому не нужна...

Отнесла ее мать отъ людского стыда,
Чтобъ рожденье ее позабыть навсегда,
А сама—въ шумный свѣтъ возвратилася вновь,
Волноваться—разжигать похотливую кровь...

Да недолго малютка на свѣтѣ жила,
Безъ родимой своей, безъ любви и тепла,—
И угасла она одиноко въ ночи,
Тише дальней звѣзды, тише Божьей свѣчи...

Не въ богатый уборъ, не родимой рукой
Снарядили ее въ безконечный покой:—
Чужанинъ уложилъ ее въ гробикъ безъ слезъ,
И, свободнѣй вздохнувъ, на кладбище отнесъ...

Хладнокровно надъ нею молитву прочли,
Положили ее въ колыбель изъ земли,
Заровняли съ землей... и забыли вконецъ
О душѣ, не стерпѣвшей жестокихъ сердецъ...

Позабыла и мать... Только—это ли мать?
Не грѣшно ли ее этимъ именемъ звать?

Нѣтъ, не мать она родная,—
Мать дитя не губитъ,
А цѣлуетъ и лелѣетъ,
Больше жизни любитъ,
Бережетъ его отъ лиха,
Какъ свои—то очи,
На него глядитъ и дышитъ
Всѣ и дни, и ночи,—
Насмотрѣться, надышаться
На него не можетъ,
Что цвѣточекъ свой любимый
Всю—то жизнь сторожитъ;
По головкѣ нѣжно гладитъ
Отъ людей украдкой...
Коль живетъ оно счастливо—
Льются слезы сладко...
Коли дѣтку повстрѣчаетъ
Лиходѣйка-доля—
Сердце матери бушуетъ
Непогодой въ полѣ...

Кто жъ ты, мать съ холоднымъ сердцемъ,
Что дитя родила,
Отдала въ чужіе люди
И навѣкъ забыла?
Замолчи вопросъ суровый,
Не ищи отвѣта:
Кто идетъ путемъ порока—
Ненавистникъ свѣта...

Матерей бездушныхъ много,
Кто ихъ всѣхъ укажетъ?!
Но на всѣхъ ихъ Божья кара
Хоть за гробомъ, ляжетъ,
Коль не вымолятъ прощенья
Имъ у Бога-Слова
Отлетѣвшіе на небо
Безъ грѣха земного...

1902.

ГОРЕ ВОЛГИ

Бывало, въ широкое море
Могучею Волга катилась,
И вольно надъ ней на просторѣ
Бурлацкая пѣсня носилась.
Въ ней Волгу бурлацкая сила
Родимой своей величала;
А Волга ту дочку любила,
Кормила, поила, качала...
Предѣла союзу не зная,
Онѣ породнились на-долго,
И—Русью отъ края- до края
Носилася пѣсня о Волгѣ...

*

Но вотъ народилась невзгода:
Машина—могучая сила,—
Запѣнила волжскія воды,
И трудъ бурлаковъ отмѣнила;
И тысячи съ Волги и Камы
Послала по весямъ и селамъ—
Бороться съ пустыми руками
Съ бытьемъ безысходно-тяжелымъ.
Къ иной, перестроенной жизни,
Не вывелъ никто на дорогу...
Но—чѣмъ же сказалась отчизна?
—Забыла она понемногу...

*

На Волгѣ шумятъ пароходы,
Тревожатъ, родную, всю ночку..
И жаль ей минувшіе годы,
И жаль ей любимую дочку!

Уснула и пѣсня надолго—
Она и о пѣснѣ жалѣетъ,—
Груститъ величавая Волга,
И съ лютаго горя мелѣетъ!...

Эй, люди! иное нельзя-ли
Машинамъ придать назначенье:
Чтобъ бѣдныхъ съ работы не гнали,
А—лишь принесли облегченье?...

1902.

БУРЛАКЪ—ИНВАЛИДЪ

I

На русскую матушку—Волгу
Выходитъ бурлакъ—инвалидъ,
Любуется ею подолгу,
Надъ нею до ночи стоитъ.
Подъ жгучимъ лучемъ загораетъ
Открытая грудь бурлака,
Сѣдой бородою играетъ
Залетный порывъ вѣтерка.
Но вѣтеръ и солнце знакомы,
Привычны давно старику...
И ходитъ, не чуя истомы,
Онъ взадъ и впередъ по песку...
Впередъ перегнулъ свое тѣло,
Склонился на грудь головой,
Какъ будто—знакомое дѣло—
Идетъ онъ опять бичевой...

II

И видится старому живо
Былая картина рѣки:—
Съ товаромъ суда терпѣливо
Ведутъ бичевой бурлаки...

Поютъ они... Пѣсня ихъ стонетъ
И тонетъ въ туманной дали...
Какъ будто та пѣсня хоронитъ
Надежды родимой земли...
Несется та пѣсня волнами
Отъ матушки Волги—рѣки
По Вяткѣ, Сурѣ и по Камѣ,
Вдоль Бѣлой, Шексны и Оки.
И вторятъ той пѣснѣ унылой
Согласно изъ разныхъ сторонъ—
Велика бурлацкая сила:
Той силѣ число—легіонъ.....

III

И видитъ онъ: звѣздочекъ краше
По всѣмъ берегамъ огоньки.
Надъ ними съ горячею кашей
На палкахъ висятъ котелки;—
«Готова!..» до сыта поѣли
И запили жидкимъ кваскомъ,
На плечи по лямкѣ надѣли,—
Пошли бичевой бережкомъ.
Дымящій костеръ на привалѣ
Остался вдали голубой...
И слышится пѣсня печали:
«Родная Дубинушка—ой!..»

IV

Лишь ночка на землю ложится,
Опять на привалъ бурлаки...
Горячая каша варится,
Дрожатъ на рѣкѣ огоньки...

То пѣсня про хана-Мамая,
То сказка про дѣву-красу...
А вкругъ—только ночка нѣмая,
Да ухаетъ лѣшій въ лѣсу...
Окончивъ счастливо путину,
Гремѣли въ рукахъ ихъ рубли.
Домой бурлаки изъ чужбины
По пыльной дорогѣ брели...
Зашитой казны по заплатамъ—
Награды святому труду—
Хватало и барамъ богатымъ,
И милой семьѣ на нужду...
Недобрую славу напрасно
Несли на себѣ бурлаки:—
Бобыль да бродяга несчастный
Носили гроши въ кабаки...
...Былые когда-то годины
Воскресли опять старинѣ.—
И чудится: пѣсня—дубина
Гремитъ по родной сторонѣ...

V

Обычаямъ дѣдовъ въ обиду
По новому Русь зажила;—
И трудъ бурлаковъ въ инвалиды
На вѣки вѣковъ отвела.
Бурлацкая пѣсня терпѣнья
Заглохла подъ шумомъ колесъ...
Послѣдніе отзвуки пѣнья
Богъ вѣсть, куда вѣтеръ занесъ.

На плотно ногами убитой
Дорогѣ, вдоль каждой рѣки,
Шумятъ съ непогодой ракиты,
Да воронъ кричитъ отъ тоски...

VI

Ряды, и знамена, и виды
Смѣняетъ судьба на вѣку...
Но доля слуги—инвалида
Тяжка бурлаку—бѣдняку...
И ходитъ, что пасынокъ доли,
И думаетъ думу старикъ:
«Ужели не надобенъ болѣ
Терпѣнья и силы родникъ?..»
И смотритъ на матушку—Волгу
Забытый бурлакъ—инвалидъ,
Любуется ею подолгу,
Надъ нею до ночи стоитъ...

VII

Ведетъ караваны машина,—
О лямкѣ не будемъ рыдать!—
Мнѣ жалко бурлацкаго сына
И всю безработную рать.
Что мачиха, темнымъ чужбина,
Мельчаютъ родныя поля,—
И горемъ бурлацкаго сына
Наполнена наша земля!...
Невѣжество, цѣпи запрета...
Насильники ждутъ на пути...
...Землицы, свободы и свѣта,
Чтобъ выходъ народу найти!...

1902.

ПОСЛѢДНЯЯ СВАЯ

Ухнемъ-те, братики, вразъ запоемъ
Нашу родную дубину,
Сваю сосновую крѣпче забьемъ
Глубже въ рѣчную пучину!
Чудная сила въ дубинѣ живетъ:
Съ нею работа спорится,
Съ нею тяжеле коперъ упадетъ,
Свая по пяди садится...

Пойте зеленую! Наши отцы
Тоже дубинушку пѣли—
Пѣли, когда созидали дворцы,
Барки тянули по мели...
Пóтомъ облитые, всюду они
Падали рано безъ счета...
Но вѣдь понынѣ, куда ни взгляни,
Гордо стоитъ ихъ работа...

Ухнемъ дубинушку вразъ, молодцы,
Сваю посадимъ въ пучину!
Намъ завѣщали родные отцы
Только труды да дубину.
Этой завѣтной богатой казны
Внукамъ и правнукамъ хватитъ,
Пѣсня—дубина съ родной стороны
Врядъ ли куда перекатитъ...

Люду крещеному выйдетъ на прокъ
Дѣло, вершимое нами:—
Крѣпко на сваяхъ красивый мостокъ
Будетъ висѣть надъ водами...
Грудно по немъ заснуетъ пѣшеходъ,
Съ шикомъ прокатитъ карета...
Дружно! не даромъ роняли мы потъ.
Пѣсня-дубинушка пѣта.

Ухнемъ! послѣднюю сваю вобьемъ—
Кончена наша работа...
Завтра къ подрядчику Саввѣ пойдемъ,
Робко попросимъ расчета:
—«Савва Калинычъ! убили въ подрядъ
«Лишка четыре недѣли...
«Лихо работали—спины болятъ...
«Рядную плату проѣли»...

Ой ли, дубинушка! Выше вынось!
Дѣла осталось немного...
Савва Калинычъ прибавитъ, небось,
Если онъ помнитъ про Бога...
Сразу по трехъ отправимъ въ оброкъ,
Жонкамъ рублишекъ по пятку...
Славно потомъ бы зайти въ кабачокъ—
Выпить за гривну съ устатку...

Ухайте, ухайте, братики, вразъ!
Кровная гривна не шутка...
Эки вѣдь годы-то стали у насъ,
Эки тяжелые—нутка!

Лучше за гривенку эту куплю
Книжку для школьника-сына,
Дочкѣ-снѣгурочкѣ куклу пошлю...
Ой ли, родная дубина!

Ой ты, зеленая, само пойдетъ!
Ухайте! Свая—что таетъ...
Ну, да какъ Савва то̀ къ чорту пошлетъ,
Вдругъ безъ души разсчитаетъ!?..
Жалко семью-то... Слыхать, по сему
На хлѣбъ сбываютъ скотину...
Намъ-то не горе: опять въ кабалу,
Снова затянемъ дубину!...

1901.

РОДНЫЕ МОТИВЫ

I

Непонятною грустью томимъ,
По полямъ необъятнымъ твоимъ
Погулялъ я, отчизна, не мало...
Ты предъ взоромъ моимъ развивала
Неприглядныхъ картинъ полотно...
О, какъ всюду уныло оно,
О, какіе печальные тоны!
Будто сами народные стоны
Да истома родимой земли
Въ основанье картинамъ легли!..

Донесутся знакомые звуки—
Только грусть, только горе да муки,
Горькихъ жалобъ и слезъ—безъ конца!
Слышишь пѣсню—рыдаетъ уныло,
Будто мать надъ размытой могилой
Дорогого душѣ мертвеца...
Невозможно задумчивымъ взоромъ
Отдохнуть надъ родимымъ просторомъ:
Грустный видъ для очей и ума!
И становится чуткимъ до боли,
Какъ лежитъ на безжизненной волѣ
Несогрѣтая солнышкомъ тьма!...

Эта тьма—окаянная сила!
Благороднымъ порывамъ могила,
Мать пороковъ, и слезъ, и нужды.
Тьма, какъ деспотъ, хохочетъ надъ міромъ,
И сосетъ кровожаднымъ вампиромъ
Окропленные потомъ труды.
О, такъ много она виновата
Въ нападеніи брата—на брата,
Въ заточеньи подъ склепы темницъ.
Тьма ломаетъ красавца—въ калѣку,
Предъ тираномъ велитъ человѣку
Въ раболѣпьи повергнуться ницъ.
Убиваетъ она торопливо
Къ совершенству святые порывы,
Вытравляетъ въ душахъ божество.
Держитъ умъ въ отупѣньи обманомъ,
Прячетъ солнце за чернымъ туманомъ,
Отдаляетъ идей торжество.

Та же тьма заглушаетъ испугомъ
Возмущенный моральнымъ недугомъ
Бичь небесъ—голосъ Правды святой...
Гонитъ тьма изъ подъ отческой кровли—
Стать товаромъ позорной торговли
И велитъ щеголять наготой...
Гдѣ она—тамъ безсильны законы:
Заглушаетъ обиженныхъ стоны
Зычнымъ ревомъ слѣпой произволъ.
Звонъ молитвенный—гуломъ набата;
Кровянистѣе красокъ заката
Небосклонъ отъ пылающихъ селъ.

Тамъ, гдѣ души покрыты туманомъ,—
Отравляются люди дурманомъ,
Поростаютъ полынью поля.
Рядомъ съ полемъ—и тѣснымъ, и скуднымъ—
Упивается сномъ непробуднымъ
Плодотворная сильно земля.
Опрокинувши чашу терпѣнья,
Поднимаются съ мѣста селенья,
И уходятъ далеко—туда,
Гдѣ лежатъ непробудныя степи...
Но и тамъ имъ тяжолыя цѣпи
Налагаетъ на руки нужда!...

Милосердье... любовь... сожалѣнье...
Передѣлъ... хутора... заселенье,—
Все лишь только слова на Руси!—
Встань ты, солнышко правды и знанья,
Воплоти въ тѣлеса упованья,
Русь отъ тьмы и скитанья спаси!...
Надъ полями, политыми кровью,
Надъ степями съ поднятою новью
Ты тепломъ и участьемъ взойди;
Дай блуждающей силѣ работу,
За ручьи многолѣтняго пота
Справедливымъ плодомъ награди!—
Будетъ все, что понынѣ лишь—грезы:
Совѣсть чистая, сладкія слезы,
Словъ и пѣсенъ веселый мотивъ;
Изъ смѣющихся красокъ картины;
А вокругъ—все сады и куртины
Да моря неоглядныя нивъ!...

1912.

II

Разъ затомилася грустью безвѣстной
Пѣсня въ отчизнѣ своей поднебесной,
И, растворившись съ эфирной волною,
Всюду носилась юдолью земною.

Долго она надъ землею летала!
Все этой пѣснѣ глубоко внимало:
Горы и долы, дубрава и море,
Дружба и злоба, и счастье, и горе;
Радость свиданья, истома разлуки—
Все покорили волшебные звуки!

Чудная пѣсня на небо умчалась,
Но на землѣ ея эхо осталось;
Что на душѣ у кого накипѣло—
Все съ той поры свою пѣсню запѣло.
Чуть вѣтерокъ колыхнетъ на просторѣ—
Шумною пѣсней затянется море;
Вторитъ утесъ его гнѣвному шуму.
Пѣсню поетъ про завѣтную думу
Дремлющій лѣсъ, стерегущій молчанье,
Чуть вѣтерка пронесется дыханье.
Теплой весною—разцвѣтомъ природы—
Радость поютъ пробужденныя воды;
Пташка о волюшкѣ—вольной поетъ;
Сильный терпѣньемъ родимый народъ
Въ хижинѣ бѣдной, въ дорогѣ и въ полѣ
Тоже поетъ—о тоскѣ да о долѣ...

Горькая доля, отчизна родная!
Въ юные дни изъ родимаго края
Выгнанъ нуждой я по свѣту скитаться,
Хлѣбомъ чужимъ до полсыта питаться...

Вѣчно своей госпожею гонимый,
Много блуждалъ по Руси я родимой....

Медленно всюду плывутъ передъ взглядомъ
Степи да села съ убогимъ нарядомъ,
Тощею жатвою зрѣютъ поля—
Не весела ты, родная земля!

Бродишь, бывало, по гатямъ иль въ полѣ,
Вдругъ донесется, Богъ знаетъ—отколѣ,
Пѣсни родной за волною волна—
Вѣчно рыдаетъ и стонетъ она!
Плачется пѣсня на бичъ и неволю,
Мачиху злую да тяжкую долю;
Тянется пѣсня въ истомѣ глубокой
Къ матушкѣ—Волгѣ да Камѣ широкой.

Пѣсня унылая, пѣсня народная!
Сила таится въ тебѣ благородная,—
Властная сердце оттаять застывшее;
Рѣченькой слезною, неудержимою,
Вылить до-чиста на землю родимую
Горе тяжолое, долго томившее...
Русью родной широко ты разносишься,
Въ самое сердце стучишься и просишься,
Повѣсть читаешь свою безначальную...
Но отчего жъ—отъ судьбою довольнаго,
Хмѣльнаго, сытаго, пира застольнаго
Ты зарождаешься тоже печальною?

Пѣсня—народа родного твореніе,
Эхо далекое имъ пережитаго!
Не было дѣтства—съ минуты рожденія
Больше печальнаго, больше забитаго!—

Русскій народъ не кормилица нѣжная
Въ люлькѣ съ заботой и лаской баюкала,—
Злилась надъ люлькой метелица снѣжная,
Спать не давала—совою аукала...

Плыли татаре полчищами дикими,
И, потрясая желѣзною палицей,
Люльку толкали съ угрозами, криками,
«Шутки шутили» надъ Русью—страдалицей...

Съ Запада кралося племя лукавое—
Русь погубить изнемогшую мѣтило,—
Селъ погибающихъ пламя кровавое
Ночью безлунною въ люльку ей свѣтило!...

Вольно гуляли свирѣпою шайкою
Воры-разбойники—звѣри голодные;
Сотни людей убивали нагайкою,
Ведрами черпали силы народныя...

Въ вѣкъ крѣпостничества Русь стомилльонная
Раны травила оковами ржавыми...
Терпитъ насильниковъ Русь современная,
Терпитъ—и плачетъ слезами кровавыми!...

Пѣсня народная—эхо унылое,
Силится выплакать горе постылое;
Слышишь—берутъ умиленье и дрожь...
...Скоро ли, Русь, веселѣй запоешь?...

III

Созрѣвающихъ нивъ золотой переливъ
Я люблю на родной сторонѣ;

Я люблю косарей пробужденныхъ съ зарей,
Говоръ дружныхъ цѣповъ на гумнѣ;
Я люблю нашъ народъ подъ печатью заботъ,
Закаленный въ нуждѣ и трудѣ,—
И отчизну свою я люблю и пою,
Вспоминаю всегда и вездѣ;—
Я люблю оттого:—тамъ бытья моего
Робко утро взошло изъ-за тучъ,
Обняла въ томъ краю дума душу мою,
И забилъ вольныхъ грезъ моихъ ключъ;
Тамъ родимая мать научала шептать
За собою молитву уста;
Тамъ подслушать я могъ про безжалостный рокъ
И про тяжесть земного креста.

Объ усталыхъ въ трудѣ, изнемогшихъ въ нуждѣ
Тамъ впервые туманился взоръ;
И завѣтные сны изъ родной стороны
Потянули меня на просторъ:
—«Поднимись и иди; въ неокрѣпшей груди
Плодотворную силу развей;
Въ крупномъ потѣ лица послужи до конца
Безталанной отчизнѣ своей.

Беззавѣтно служи. О плодахъ не тужи:
Были бъ честны порывы да трудъ,
Лишь займется весна, всѣ твои сѣмена
Изъ согрѣтой землицы взойдутъ»...
Я ушелъ на просторъ. Безъ конца съ этихъ поръ
Я извѣдалъ всего на вѣку:—
И неправду, и гнетъ, и мученье заботъ,
И по родинѣ милой тоску...

Въ чужедальнемъ краю развилъ силу свою,
Въ испытаньяхъ терпѣньемъ окрѣпъ,-
И мѣняю я ихъ на дорогахъ большихъ
За насущный, завѣтрѣный хлѣбъ...

Много грезъ и идей для отчизны своей
Нагружалъ я порою въ челнокъ;
Распускалъ я на немъ легкій парусъ крыломъ,
И—насъ гналъ по-пути вѣтерокъ!...

Неустойчивъ, легокъ мой крылатый челнокъ,
Но бѣжалъ подъ ворчанье волны;—
Я весломъ наддавалъ, и—съ челномъ приставалъ
У родимой своей стороны.
Не смотря на прибой, и рискуя собой,
Я сгружалъ цѣнный грузъ челнока,—
Чтобъ ей зорька взошла, чтобъ ей доля была,
Справедлива, вольна и легка...
Но Насилье въ мой даръ направляло ударъ,
И въ морскую пучину несло...
...Что нельзя подарить, что нѣтъ силъ побѣ-
Было такъ на душѣ тяжело!... [дить—

Вольный вѣтеръ я звалъ, и опять уплывалъ,
Но—куда и зачѣмъ?—не сказать.
По дорогѣ твердилъ: «Еслибъ могъ—послужилъ,
Не вини меня, родина—мать!»...
Изчезала вдали лента милой земли
За пустыней синѣющихъ водъ.
Вѣтеръ, парусъ, волна—бѣгъ пустого челна
Направляли... опять на Восходъ!..

1903.

СТОРОЖЪ

Тихо, дню на смѣну,
Надъ землей пустынной
Опустилась ночка
Безотрадно-длинной...
Съ вышины бездонной
Въ полусумракъ ночи
Кинулъ полный мѣсяцъ
Золотыя очи...
Раскатилась—пала
По селу дремота,—
И забылась сладко
Вся нужда-забота;
Улеглась на время
И тоска-кручина...
Сквозь узоры оконъ
Не дрожитъ лучина...

Тишину-дремоту—
Госпожу селенья—
Вѣстовыхъ полночи
Огласитъ лишь пѣнье,
Да порой дремоты
Разлитыя чары
Великана-храма

Потрясутъ удары.
Звонъ несмѣло грянетъ—
По полямъ простонетъ,—
И опять селенье
Въ чарахъ сна потонетъ,
Да въ нѣмой печали
Серебрится поле...

Тихій сонъ спустился...
Да не всѣмъ на долю!..
Одинокій сторожъ
По селенью ходитъ,—
Только тѣнь нѣмая
Съ нимъ повсюду бродитъ,
Да нужда-кручина
Невидимкой, рядомъ,
На морозѣ слезы
Выжимаетъ градомъ
На усы сѣдые,
На зипунъ овчинный...
Отыскала память
Свитокъ жизни длинный
И передъ очами
Мѣрно развиваетъ—
Время прожитое
Снова вызываетъ...

Счастье написало
Первыя страницы!
Радость да веселье,
Очи молодицы...

Очи голубыя
Лили столько ласки,
Одѣвали юность
Въ радужныя краски...
Юность пролетѣла,
Съ нужды да недуга
Рано закатилась
Вѣрная подруга...
Съ вѣрною подругой
Счастье въ воду пало:—
За работой въ полѣ
Палъ услуга—чалый...
Не родило поле,
Извелась скотина...
Сторона чужая
Доконала сына—
Очи помутились
Горемъ да слезою!
Дочку молодую—
Ангела красою—
Свелъ въ могилу рано
Ворогъ окаянный...
Дальше вьется свитокъ
Жизни безталанной...
Снова оживаютъ
Прошлаго видѣнья—
Черныя страницы
Горя да терпѣнья,
Горя да терпѣнья—
Жизни одинокой...
Свѣтлыя мгновенья,
Гдѣ же вы? Далеко...

Спитъ земля родная
Крѣпко, непробудно...
Облилъ землю съ неба
Свѣтомъ мѣсяцъ чудный,
Облилъ—и затмился
Думою глубокой,
Въ смѣну поджидая
День золотоокій...
День золотоокій
Въ смѣну поджидая,
Ходитъ—коченѣетъ
Голова сѣдая...
Голову сѣдую
Долу дума клонитъ,
Слезы выжимаетъ,
Сонъ далеко гонитъ...
Пѣсня ль удалая
Съ горя запоется—
Стономъ на полсловѣ
Въ сердцѣ оборвется...
Пѣсня удалая!
Взвейся на просторѣ,
Слаще сдѣлай слезы,
Мельче злое горе;
Оживи сѣдому,
Силу молодую—
Выждать, да привѣтить
Зорьку золотую!..

1900.

СЫТЫЙ ФИЛАНТРОПЪ

I

Шуму печатнаго слова
Слухомъ испуганнымъ внемлю;
Чую: невзгодушка снова
Пала на русскую землю;—
Пала невзгода на села,
Голодомъ лютымъ зовется...
Въ узахъ ея произвола
Сила народная бьется...
Русь ли сломить супостату?
Силы ль она пожалѣетъ?
Боже мой, только когда-то
Вороговъ Русь одолѣетъ!...

II

Крѣпки, разубраны пышно
Стѣны въ моемъ кабинетѣ.
Вовсе сюда мнѣ не слышно,
Чтобъ ни творилось на свѣтѣ.
Слейтесь всѣ люди повсюду
Стономъ о хлѣбѣ унылымъ,—
Жить въ кабинетѣ я буду
Вѣчно въ невѣденьи миломъ;

Въ двери парадцаго входа
«Улицѣ» доступа нѣту;
Слышу о горѣ народа
Только читая газету.
Жить бы мнѣ въ нѣгѣ да холѣ,
Дальше отъ свѣта больного,
Если бъ не било до боли
Это печатное слово.
Чуткое сердце—бѣдняжка
Вѣритъ печатному слову;
Бьется испуганной пташкой,
Плакать ребенкомъ готово.
Сердцу—малюткѣ отвѣтомъ
Слышится слово разсудка:
—Лучше не вѣрить газетамъ,
Можетъ быть голодъ то—утка!

III

Вѣкъ свой я жилъ въ кабинетѣ,
Сладко да сытно я кушалъ;
Жизнь узналъ по газетѣ,
Только разсудка я слушалъ.
Дай-ка я сердцу повѣрю,
Разъ хоть утѣшу малютку;
Слово печати провѣрю—
Выйду на людъ на минутку.
Вотъ—выступаетъ угрюмо
Темное зданье вокзала,
Стонетъ отъ стука и шума
Глухо огромная зала.

Воздухъ удушливо—гадкій,
Дымъ—до высокаго свода;
Всюду лежатъ въ безпорядкѣ
Сѣрыя кучи народа...
Сердце терзаютъ вопросы:
Гдѣ же тутъ видъ «человѣка»?
Это—Самсонъ безволосый,
Или—огромный калѣка!

IV

Вижу: немного въ сторонкѣ,
Дѣдка съ сѣдой бородою;
Корку досталъ изъ котомки,
И запиваетъ водою.
Хлѣбушка корка сухая
Плохо у дѣда жуется...
Думаетъ дѣдка, вздыхая,
Мука въ лицѣ отдается.
—Булочку, дѣдка, купи-ка,—
Корка-то эта замучитъ.
—Доля-то насъ, горемыка,
Ѣсть только корочки учитъ.
—Что-же, ужъ развѣ такъ плохо
Вамъ эти годы живется?
—«Плохо!»—Ни жалобъ, ни вздоха;
Дѣдъ только горько смѣется...
Сердце заныло и сжалось.
—Дѣдка, куда и откуда
Въ залу-то эту собралось
Столько рабочаго люда?

—Мы—изъ голоднаго края;
Ѣдемъ работать въ чужбину.
Дома семья-то большая,
Взяли за подать скотину...
Грустно лохматаго дѣда
Рѣчи «голодныя» слушать;
Время настало обѣда,
Лучше поѣхать покушать.
Вышелъ. У двери вокзальной
Парня толпа обступила.
Лица тревожно—печальны,
Рѣчь безнадежно уныла.
- Двѣ съ половиной недѣли
Тамъ мы работы искали;
Всю одежонку проѣли,
А на дѣла не напали...
—Вамъ бы ужъ ѣхать подалѣ
Тамъ бы нашлося работы...
—Сами бы это мы знали,
Да на дорогу—чего ты?
Дальше! приносятъ лишь муки
Эти чужія страданья,—
Дальше!.. А хилыя руки
Просятъ въ слезахъ подаянья.
На-те! И имъ на дорогу
Бросилъ по мелкой монетѣ.
Надо же сдѣлать помогу
Бѣдному люду на свѣтѣ!...

V

Къ дому обратно качу я
Улицей шумной столицы.

Въ сердцѣ пораненномъ чую
Тягостныхъ думъ вереницы.
Дума крылатая мчится
Въ глубь незнакомаго края,
Гдѣ безъизвѣстно томится
Дѣдки «семья-то большая».
Грустная сердцу картина
Вкругъ представляется живо...
Вижу: безъ мѣры долина,
Все по ней села да нивы...
Воздухъ лежитъ безъ движенья,
Солнце не свѣтитъ, а пышетъ...
Къ небу несутся моленья—
Небо моленья не слышитъ...
«Милость намъ, небо, яви ты:
«Тучу пошли дождевую;
«Долы, луга окропи ты,
«Ниву напой трудовую»...
Ходятъ въ спаленномъ просторѣ
Пахари, горе пророчатъ...
Слезы родятся во взорѣ,
Землю горячую мочатъ...
Только едва ли, едва ли
Ниву спасутъ эти слезы!
Гнетъ безысходной печали,
Стонъ погибающей грезы...
Душно отъ зноя и дыма...
Небо безстрастно взираетъ,
Какъ, безпощадно палима,
Въ мукахъ земля умираетъ...

VI

Скорбная дума выводитъ
Новую горе—картину:
Голодъ по хижинамъ ходитъ,
Гонитъ людей на чужбину.
Выслушавъ это велѣнье,
Люда собралося много.
Вотъ, всколыхнулось селенье
И—запылила дорога!
Молча идутъ пѣшеходы,
Лица сковала забота:
Какъ пережить эти годы?
Гдѣ-то найдется работа?
Тихо... За полемъ спаленнымъ
Скрылись за кучкою кучка.
Въ воздухѣ душномъ и сонномъ
Виснетъ лишь пыльная тучка.
Пыльная тучка игриво
Мигъ на лету покружится,
И—у дороги лѣниво
Снова на землю ложится...
Вздохъ вылетаетъ изъ груди,
Сердце вопросы тревожатъ:
Гдѣ и къ чему эти люди
Темную силу приложатъ?...

VII

На Руси родимой—
На землѣ забитой
Двѣ бы башни сложить
Изъ скалы—гранита.

Имъ сковать бы своды
Изъ упругой стали,
Чтобы башни эти
Безъ конца стояли.
Отъ земли бы выше
Вознести ихъ шпицы,
Гдѣ лишь тучки рѣютъ,
Да летаютъ птицы.
И зажечь бы факелъ
На одной изъ башенъ,
Чтобы свѣтъ увидѣлъ
Край труда и пашенъ.
На другую башню,
На цѣпи гремучей,
Приковать—повѣсить
Колоколъ могучій.
И ударить дружно
По груди блестящей,
Чтобы звонъ раздался
По отчизнѣ спящей;
По полямъ, по селамъ,
Городамъ спесивымъ,
Прогонялъ бы дрему
И гремѣлъ призывомъ...
Свѣтъ будилъ бы души,
Открывалъ бы очи;
Звонъ будилъ бы силу,
Трясъ бы царство ночи.
Трудовая сила
Поднялась бы смѣло,
Да семьею цѣлой
Принялась за дѣло:

Разчищать поляны,
Засѣвать ихъ рожью,
Да стоять за волю,
И за правду Божью...
И, на радость добрымъ,
Такъ и видно бъ было,
Какъ растетъ да крѣпнетъ
Трудовая сила...

VIII

...Греза слаба и капризна:
Вѣтеръ дохнулъ—и не будетъ...
Кто же освѣтитъ отчизну?
Кто ее къ жизни разбудитъ?
Крикъ раздавался порою,
Дрему стряхнуть призывая:
Падали люди—герои—
Вновь тишина гробовая...
Мракъ было дрогнулъ немного—
Тучи сгустилися снова...
Бей, же, какъ воинъ, тревогу,
Ты хоть, печатное слово!
Миромъ и свѣтомъ небеснымъ
Лейся по весямъ и доламъ;
Будь ты совѣтникомъ честнымъ,
Стойкимъ борцомъ съ произволомъ.
Всѣмъ, что бредутъ безъ дороги,
Будь ты звѣздой путеводной—
Къ царству безъ вѣчной тревоги,
Къ царству работы свободной;

Къ царству, гдѣ солнышко съ неба
Всѣмъ одинако сіяетъ,
Гдѣ безъ насущнаго хлѣба
Людъ трудовой не бываетъ...

IX

Бей-же, печатное слово,
Всѣхъ на работу зови ты!
Рушиться зданье готово,
Старые боги разбиты,
Съ холоду жизнь помертвѣла,
Въ новыя формы не льется,—
Зовъ на великое дѣло
Шире пускай раздается!..
Гласомъ въ пустынѣ не будетъ
Зовъ твой по родинѣ спящей:
Много онъ къ жизни разбудитъ
Мысли и силы творящей!
Для обновленія строя
Стражами свѣта и мира,
Смѣлые выйдутъ герои,
Свѣтлые встанутъ кумиры...
Новые формы для жизни
Отлиты будутъ на чудо...
...Лучшая слава отчизнѣ—
Счастье рабочаго люда...
...Колоколъ силъ пробужденья,
Мысли, укора и зова
Данъ отъ руки Провидѣнья
Въ руки печатнаго слова...

1904.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

Свѣтла, ясна лазурь небесъ,
Несется благовѣстъ повсюду;
Душа полна и рада чуду:
Христосъ Воскресъ!

Пришелъ онъ скромно въ этотъ міръ;
Разбилъ скрижаль о правѣ мщенья,
И заповѣдалъ всепрощенье.
Любовь и міръ.

Но и тогда, какъ въ наши дни,
За зовъ горячій къ жизни новой
Произнесли враги сурово:
Распни! распни!...

И распятъ былъ... Но Духъ небесъ
Убить не могутъ смерть и злоба:
Коснулся Ангелъ Божій гроба,
И Онъ—воскресъ!...

Свѣтъ, Милость, Правду и Свободу—
Все, что̀ душѣ Христа сродни,
Жестоко гонятъ въ наши дни
Враги отчизны и народа,
Кричатъ: Распни!

Но въ той борьбѣ безсильна злоба:
Пускай казнятъ и мучатъ въ кровь
Свободу, Правду и Любовь,—
Коснется Ангелъ крыши гроба,
И—живы вновь!...

Пойдемъ изъ мрака, люди—братья,—
Туда, гдѣ блещетъ Свѣтъ небесъ;
Дивитесь чуду изъ чудесъ
И слейтесь въ жаркія объятья:
Христосъ воскресъ!..

1909.

ЧУДЕСНЫЙ КОЛОКОЛЪ

I

Разъ на краю одного городка,
Въ тихой, цвѣтущей долинѣ,
Строили люди въ былые вѣка
Храмъ чудотворной святынѣ,—
Строили тамъ, гдѣ живые ключи
Били изъ нѣдра земного,
Влагой цѣлили, какъ Божьи врачи,
Язвы народа больного.
Къ этой святынѣ изъ разныхъ сторонъ
Нашей отчизны родимой,
Съ вѣрой глубокой въ душѣ, на поклонъ
Шли все и шли пилигримы...
Всѣ свое бремя къ святынѣ несли:
Скорби, недуги, печали...
Шла о святынѣ по лону земли
Слава все далѣ и далѣ...

Вѣки богаче народной казны
Не было въ мірѣ понынѣ!
Кончено зданье, лѣса снесены
Съ храма народной святыни;
Стѣны украсили, Божьихъ иконъ
Золотомъ главы обили...

Чудный такой колоко́лъ перезвонъ
Въ городѣ дальнемъ купили.
Самый большой и тяжелый изъ нихъ—
Въ тысячу сорокъ три пуда—
Вылитъ былъ дома изъ лептъ трудовыхъ.
Собранныхъ съ мирнаго люда...

То ли, что былъ онъ отъ честныхъ трудовъ,
Колоколъ дивный удался:
Часомъ условнымъ, какъ десять пудовъ.
Плавно на башню поднялся...
Только цѣпями прикованъ лишь былъ
Къ балкѣ подъ сводъ колокольный,
Колоколъ самъ загудѣлъ, зазвонилъ
Вѣще, могуче и вольно...
Станетъ, бывало, въ ночной тишинѣ
Колоколъ сыпать удары,—
Духомъ воспрянутъ по всей сторонѣ
Хилый, и малый, и старый...
Каждый къ челу для святого креста
Правую руку подъемлетъ,
Сами молитву лепечутъ уста,
Сердце трепещетъ и внемлетъ...
Благовѣстъ рѣетъ въ ночной тишинѣ,
Тихо вздохнетъ и потонетъ...
Миръ разнесетъ онъ по всей сторонѣ,
Всякую нечисть разгонитъ...
Смерть ли кого изъ людей посѣтитъ—
Долго надъ свѣжей могилой
Звонъ его тихій поетъ и груститъ,
Плачетъ и стонетъ уныло...
Праздникъ ли Свѣтлый на землю придетъ,

Радость ли мирному люду—
Звонъ его смѣло отрадой гудётъ,
Вѣсти разноситъ повсюду...
Чуда такого досель никогда
Въ городѣ этомъ не знали,
«Вѣстникомъ Божіимъ» люди труда
Колоколъ этотъ назвали...

II

Да не долго вѣстникъ
Призывалъ къ молитвѣ!—
Не хватило пушекъ
Въ безпощадной битвѣ
Со врагомъ-сосѣдомъ
Для царевой рати—
И пришли толпою,
Какъ ночные тати,
И съ высокой башни
Его сняли люди,
Перелили въ дула
Боевыхъ орудій...

Извергали дула
Роковое пламя,
Устилали поле
Широко костями,
Города и села
Разсыпали прахомъ,
Душу человѣка
Обнимали страхомъ...

И ужъ дула эти
По долинѣ битвы
Не будили тихой
И святой молитвы,
Не манили души
Въ высоты эѳира,
Не звенѣли зовомъ
Для любви и мира,
Какъ тотъ Божій Вѣстникъ
Въ городкѣ бывало,—
Но подъ ними глухо
Мать земля стонала;
И гудѣли дула
Передсмертнымъ стономъ—
Доброхотныхъ гривенъ
Заунывнымъ звономъ,—
Будто гривны эти
Межъ собой тужили,
Что своимъ металломъ
Не тому служили...

III

Духъ вражды на минуту не спитъ,
Упиваются кровію люди,
Вѣстникъ Божій досель перелитъ
Въ смертоносныя дула орудій...
Но въ руинахъ того городка
Въ людяхъ вѣра жива и понынѣ,
Что придутъ золотые вѣка
Для служенья любви и святынѣ;

Разрушенье, вражду, произволъ
Обрекутъ на забвеніе люди,
Отольютъ для церквей колоколъ
Изъ металла громовыхъ орудій;
Смоютъ съ рукъ неповинную кровь,
Проклянутъ безпощадную битву...
Въ городкѣ дивный колоколъ вновь
Будетъ звать христіанъ на молитву.
Загудитъ пуще прежняго онъ,
Какъ бояринъ въ пиру именитый:
Далѣ, шире раскатится звонъ
Надъ землей, покаяньемъ обмытой...
Откликаться онъ будетъ опять
И веселью, и горю людскому;
И пошлютъ небеса благодать
Пострадавшему краю родному!

Надъ крестами безмолвныхъ могилъ
Онъ разсказывать будетъ былину,
Какъ орудіемъ силы служилъ
Онъ, бывало, царю-властелину,
Какъ, бывало, родная земля
Отъ вражды да насилья стонала,
Какъ рѣкою луга и поля
Неповинная кровь поливала...
А окончивъ, во храмъ позоветъ
На молитву счастливое племя:
«Помолитесь за павшій народъ,
«Пойте Богу за лучшее время».

1902.

ОНЪ ВОСКРЕСЪ

Онъ воскресъ, Онъ воскресъ!
Благовѣстіе слышно повсюду...
И дивится вселенная чуду,
Краше солнышко свѣтитъ съ небесъ!

*

Да, ужъ скоро двѣ тысячи лѣтъ
Мы ликуемъ Христовымъ побѣдамъ,—
Далеко ли ушли за Нимъ слѣдомъ?
И—незыблемъ ли Божій Завѣтъ?
Гдѣ незлобіе, братство, любовь?
О, мы любимъ лишь деньги и кровь;
Мы—лжецы,—ничего намъ не надо:
Воскресенью Распятаго рады,
А приди онъ—распяли бы вновь!...

1910.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ

Нашъ привѣтъ тебѣ, день! не забудется вѣкъ,
Какъ безкровно съ судьбины народной
Цѣпи спали, воскресъ изъ раба «человѣкъ»
И пошелъ на работу свободный...

Призывай еще день, моя родина—мать,
Чтобъ для каждаго русскаго сына
Одинаково солнышко стало сіять,
И воскресли права «гражданина»!...

1909.

ЗВѢЗДЫ

(Народное повѣрье.)

I

Надъ землей туманной,
По велѣнью Бога,
Свѣтятъ чудо—звѣзды
Изъ Его чертога.
Каждой ночью свѣтить
Повелѣлъ имъ Боже,
Пока солнце утромъ
Не покинетъ ложе;
А уйдетъ на отдыхъ
Отъ труда дневного—
Тѣмъ же свѣтомъ яркимъ
Загораться снова.

II

Много звѣздъ на небѣ,
Безконечно много!
Но число ихъ вѣчно
Соразмѣрно строго:
Всѣмъ, живымъ на свѣтѣ—
Бѣдняку, вельможѣ—
По звѣздѣ на небѣ
Зажигаетъ Боже.

Всѣ глядятся звѣзды
Къ намъ порою ночи,-
Да не равной силы
Боже далъ имъ очи:
Есть—горятъ и блещутъ
Дорогимъ алмазомъ,
А иныя звѣзды—
Не примѣтишь глазомъ!..

III

На землѣ угрюмой,
Въ бурной жизни нашей,
Кто имѣетъ много,
Тотъ знатнѣй и краше;
А тому, кто бѣденъ—
Тяжела дорога!
Не таковъ порядокъ
Заведенъ у Бога:
Тамъ не видятъ проку
Ни въ родствѣ, ни въ златѣ,
Нѣтъ зато ни крезовъ,
Ни вельможной знати;
И зажжены звѣзды
Не для нихъ огнисто,
А для тѣхъ, что сердцемъ
И душою чисты...

IV

Зажигая звѣзды
Что ни ночь, отъ вѣка,
Богъ сперва заглянетъ
Въ душу человѣка,

И ее повѣритъ
Своимъ взоромъ строгимъ.
Кто спѣшитъ на помощь
Бѣднякамъ, убогимъ,
Согрѣваетъ странныхъ
Теплотой объятій,
Осушаетъ слезы
Горемычныхъ братій,
И врагу, какъ другу,
Дастъ пріютъ и ложе,—
Тѣмъ звѣзду чудесно
Зажигаетъ Боже.
У кого же сердце,
Какъ гранитъ, жестоко,
Кто душою любитъ
Лишь разгулъ порока,
Да ходить привыченъ
По пути обмана,—
Тѣхъ звѣзду чуть видно
Изъ-за мглы-тумана:—
Такъ уныло млѣетъ
Въ вышинѣ полночной,
Будто плачетъ тихо
О душѣ порочной!..

V

Говоритъ преданье:
Прежде люди жили,
По путямъ Господнимъ
Цѣлый вѣкъ ходили;

И молили слезно
Не творить порока,
Да любить другъ—друга
Всей душой глубоко;
Всѣмъ прощать безъ счета,
Помогать нежданно,—
Въ необъятномъ небѣ,
Надъ землей туманной,
Правосудный Боже
За дѣянье это
Имъ затеплилъ звѣзды
Лучезарнымъ свѣтомъ.
Тѣхъ людей великихъ
Унесла могила,
Но ихъ звѣздъ сіянья
Не упала сила:
Имъ опредѣлено
Свѣтить въ міръ во вѣки
И будить святыя
Думы въ человѣкѣ.

VI

Къ небу голубому
Въ пору ясной ночи
Только лишь успѣешь
Вскинуть свои очи—
Глядь: одна... другая
Звѣздочка упала,
Будто золотая
Искорка металла...

Говоритъ преданье:
Значитъ, люди эти,
На кого тѣ звѣзды,
Умерли на свѣтѣ.
Праведникъ подкошенъ
Смертною косою —
Звѣздочка свалится
Яркой полосою.
Грѣшный же погибнетъ —
Въ небѣ-океанѣ
Звѣздочка угаснетъ
Искоркой въ туманѣ...

VII

Расточая силы
На пути тяжеломъ,
Я гадаю часто
Съ сердцемъ невеселымъ:
Жизнь моя — терпѣнье,
Трудъ, нужда, тревога, —
Гдѣ моя... какая
Звѣздочка у Бога?
Свѣтитъ ли хоть слабымъ
Отблескомъ алмаза,
Или не примѣтна,
Крошечка, для глаза?
А когда свершится
Смерти мигъ ужасный,
То хоть на мгновенье
Ленточкою ясной

Вспыхнетъ ли на небѣ
Крошка золотая,
Съ вышины лазурной
Въ бездну ниспадая?
Иль слѣда оставить
Ей судьбой не дано,
И она домлѣетъ
Въ пологѣ тумана,
Какъ въ огромномъ зданьи
Свѣчка восковая?
...Нѣтъ тебѣ познанья,
Тайна міровая!...

1900.

* * *

На раздольѣ нивы спѣлой,
Гдѣ лепечетъ колосъ сказки,
Гдѣ сквозятъ въ тиши несмѣло
Василька — малютки глазки, —
Рѣетъ тихо тамъ надъ міромъ
Ангелъ неба легкокрылый,
Вѣетъ лаской, вѣетъ миромъ,
Пробужденьемъ чудной силы.
Небожитель тайно рѣетъ:
Не уловитъ его око...
Но онъ сладко сердце грѣетъ,
Душу трогаетъ глубоко...

1900.

ЖЕЛАНІЕ

(М. А. Ильину.)

Я желалъ бы покоя себѣ —
Не подъ сводами пышныхъ дворцовъ,
Но въ краю землепашцевъ-отцовъ,
Въ деревенской сосновой избѣ.
Тонкихъ блюдъ не прошу для стола:
Тамъ хотѣлъ бы я попросту жить...
Голодъ свой я бы могъ утолить
Тѣмъ, что матерь-природа дала.
Ослѣпительныхъ люстръ не хочу,
Самоцвѣтныхъ не надо камней; —
Вмѣсто этихъ нарядныхъ огней
Я зажгу восковую свѣчу.
Оглушительной музыки громъ
Не возьму я съ собою туда: —
Пастушокъ, провожая стада,
Мнѣ сыграетъ въ рожокъ подъ окномъ.
Не зову знаменитыхъ пѣвцовъ
Распѣвать для услады моей; —
Мнѣ споетъ на зарѣ соловей
Въ сторонѣ землепашцевъ-отцовъ...
Не хочу я казной богатѣть...
Не давила бы только нужда,
Помогалъ бы я людямъ труда,
Сталъ бы пѣсни народныя пѣть...

Я бы ночью окно растворилъ,
Подышалъ бы прохладой легко...
Я ушелъ бы въ поля далеко,
Да съ природой весь день говорилъ...
Въ Божій праздникъ созвалъ у крыльца
Я родныхъ поселянъ бы во кругъ;
Говорилъ бы, какъ братъ и какъ другъ,
О трудѣ и любви безъ конца...
Поучалъ бы терпѣнью въ борьбѣ,
Озарялъ бы духовную тьму...
И легко, не сказавъ никому,
Я бы умеръ въ родимой избѣ....

1902.

* * *

Спитъ земля подъ ризой бѣлой.
Вьюга плачетъ такъ уныло;—
Не печалься, другъ мой милый!
Будетъ время: съ новой силой
Всюду жизнь забьется смѣло!..

Кроткій взоръ слезой туманитъ
Пахарь бѣдный, сынъ народа...
Подожди! настанутъ годы:
Встанетъ выше стягъ свободы.
Счастье пахаря проглянетъ!..

Въ міровомъ согласномъ хорѣ
Не слыхать родныхъ созвучій...
Пронеситесь въ небѣ, тучи!—
Грянетъ русскій духъ могучій
Пѣснь—широкую, какъ море!..

1902.

СВЯТОРУССКІЙ БОГАТЫРЬ

Будто витязь легендарный,
Среди сѣверныхъ долинъ
Рядъ вѣковъ дремалъ кошмарно
Сѣрый русскій исполинъ.

Властелины—лилипуты
Нагоняли тучи мглы,
Для души ковали путы,
И для тѣла—кандалы.

Вольной мысли пробужденье
Растлѣвали и гнели,
И—царило запустѣнье
По лицу родной земли...

*

Вотъ ударилъ повсемѣстно
Небывалой битвы громъ,—
Исполину стало тѣсно
Въ склепѣ каменномъ своемъ.

Онъ поднялся—и въ минуту
Закачалось царство Мглы,
Повалились лилипуты,
Разлетѣлись кандалы.

Всталъ она гордо, величаво,
И не помнящимъ обидъ,
И въ разгаръ борьбы кровавой
Бросилъ мечъ и даже щитъ.

И послалъ больному міру,
Утонувшему въ крови,
Зовъ къ спасительному миру,
Къ исцѣляющей любви.

И—разгонитъ солнце тучи,
Грады встанутъ изъ руинъ!...
—Здравствуй, юный и могучій,
Святорусскій исполинъ!

1917, май.

НОВЫЙ ДОМИКЪ

I

На краю селенья
Дремлетъ садъ кленовый;
На холмѣ—у сада
Выросъ домикъ новый.
Этотъ домикъ—чудо:
Свилъ себѣ жилище
Въ немъ источникъ знанья
Да духовной пищи.
Онъ не вызванъ къ жизни
На карманъ избытка,—
Нѣтъ! въ рукѣ мозольной
Холщевая свитка
На его созданье
Принесла съ любовью
Пятаки, полтины,
Добытые кровью,—
И казны хватило
Разочтись съ дѣлишкомъ...
А на эти деньги,
Что остались лишкомъ,
Мы купили образъ
Въ ризѣ золотистой
Бого-человѣка
Матери Пречистой.

II

На Второго Спаса
Прикатилъ учитель,
Городской, какъ видно,
Благородный житель.
Посудить по виду—
Баринъ не казистый,
А такой ли умный,
Да такой рѣчистый,
Что когда, бывало,
Говорить онъ станетъ,—
Цѣлый день собранье
Слушать не устанетъ:—
Такъ и сыплетъ рѣчи,
Льется слово къ слову,
Что иной разъ сердце
Зарыдать готово.

III

Съ той поры, лишь солнце
Изъ-за лѣса встанетъ,
Въ этотъ домикъ новый
Дѣтвора нагрянетъ,
По часамъ по цѣлымъ
Тамъ идетъ наука,—
Тишина нѣмая—
Не услышишь звука...
Но настанетъ отдыхъ—
И пойдетъ потѣха!
Оживаетъ домикъ
Отъ забавъ и смѣха...

IV

Какъ букварь узнали
Наши ребятишки,
Выдалъ имъ учитель
Новенькія книжки.
Боже, что за книжки!—
То-то на селеньи
Взрослымъ и ребятамъ
Было удивленье!
Есть какія дива—
Завелись по свѣту,
Всѣ собрались вмѣстѣ
Въ чудо—книжку эту.
Все сказать сумѣетъ
Книжка расписная:—
Скажетъ, какъ сложилась
Наша Русь родная,
Какъ она окрѣпла,
Какъ въ былые годы
Выносила цѣпи
Горя и невзгоды;
Скажетъ, какъ боролись
Съ нехристемъ герои,
Чтобы Русь родная
Зажила въ покоѣ;
Скажетъ, какъ будили
Помыслы святые
Вѣстники спасенья—
Души золотыя,
Какъ они, отъ пытокъ
Истекая кровью,
Звали всѣхъ обняться

Съ миромъ да любовью...
Скажетъ, какъ живется
Людямъ тамъ-за моремъ,
Какъ съ нуждой бороться.
Управляться съ горемъ...
Счастье вамъ, дѣтишки,
Счастье вамъ, родныя,—
Больше вамъ не тайна
Книжки расписныя:
Ихъ языкъ разумный
Вамъ разскажетъ много,
Съ ними къ жизни новой
Скатертью дорога...

V

Пахари родные!
Въ каждой деревушкѣ
Выстройте по новой
Этакой избушкѣ:
Пусть въ нее сбѣгутся
Хоромъ ваши дѣти,
Пусть имъ будетъ доля
Лучшею на свѣтѣ.
Книжки расписныя
Пусть уразумѣютъ;
На поле родное
Пусть они засѣютъ
Съ доброю душою
Горстію проворной
Сѣмя—воплощенье
Жизни благотворной.
Знаю, что не плевелъ

Въ полѣ уродится—
Вровень съ головою
Тучная пшеница!..

VI

Строй же новый домикъ,
Каждое селенье!—
Въ немъ родится знанье—
Сила обновленья,
Русская дремота
Имъ расшевелится...
Встаньте же и стройте!
Время пробудиться...
Быть во снѣ тяжеломъ
Нѣтъ причины болѣ:—
Нѣтъ рабовъ и плети,
Всѣ теперь на волѣ...
Есть ли оправданье
Въ жалобѣ унылой:
Боже, насъ обидѣлъ
Разумомъ и силой,
Въ сердцѣ помертвѣломъ
Огненныя капли
Божьей благодати
Всѣ у насъ изсякли,
Недруги во гнѣвѣ
Струны оборвали?—
Нѣтъ, богаче души
Дремлютъ гдѣ едва ли!
Встаньте же! давно ужъ
Ласково насъ будятъ
Тѣ, что беззавѣтно

Край родимый любятъ:
«Встаньте! ужъ на небѣ
Зорька занялася»...

VII

Эхъ, кабы да встала,—
Встала—поднялася
Русская, простая,
Дремлющая сила!—
То-то бы отрадно,
Радостно бы было!
Были бы въ селеньяхъ
Новые домишки,
Всюду бы читались
Новенькія книжки—
Книжки, что писало
Собственною кровью
Сердце золотое,
Полное любовью,—.
Было бы то время—
Праздникъ Обновленья
Въ каждомъ захолустномъ
Маленькомъ селеньи.
Тѣ, что неустанно
Людъ отъ сна будили,
Съ радости—веселья
Слезы бы ронили;
Ангеламъ на небѣ
Радостно бы было!..
Встань же, пробудися,
Дремлющая сила!

1900.

Slavic Library
418 W. Nittany Ave.
State College, Pa. 16801

ОГЛАВЛЕНІЕ

Сибирь 7
Ермакъ 10
Въ степи 27
Кошелевцы 33
На Оби 41
Горемыки 45
Сибирская тройка 56
Народному Дому 58
Въ путь! 60
Думушки 63
Иванко 66
Малютка 68
Горе Волги 71
Бурлакъ-инвалидъ 73
Послѣдняя свая 77
Родные мотивы 80
Сторожъ 88
Сытый филантропъ 92
Христосъ Воскресъ! 101
Чудесный колоколъ 103
Онъ Воскресъ 108
Девятнадцатое февраля 109
Звѣзды 110
На раздольѣ нивы спѣлой 116
Желаніе 117
Спитъ земля подъ ризой бѣлой 119
Святорусскій богатырь 120
Новый домикъ 122

PG
3467
M748S5

Monin, Vasilii Andreevich
Sibirskie motivy

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 14 06 02 015 2